

ВЕНЕЦ ИЗ ПЯТИ ВЕТВЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Lumi

18+

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

<https://litres.ru/74202393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сколь же беспощаден он - оазис безупречной красоты. Каждое его слово, нареченное истинной, брошенное с надменным изяществом - это яд, медленно растворяющий чужую волю. Он возвышается над толпой, облекая своё презрение в ленивые, тягучие движения мягких губ. Если уж его язык так умел, то на что же способны его сильные руки и искусные пальцы, когда они перестанут быть праздными? Глупый ягнёнок выглядит лишь жалкой жертвой в этом храме высокомерия и игре амбиций. Вот только, не слишком ли уверенно этот "агнец" ступает на алтарь. Что, если за кроткой маской невинной овечки, может прятаться совсем иной зверь? Ведь порой, в момент наивысшей нежности, когда ворс кажется мягче шёлка, из тишины рождается оскал. А под мягким руном может таится терпеливый хищник, чьи клыки куда острее любых слов. Этот укус не предварят слова - он просто обрвёт вдох, вскрывая горло там, где ждали ласки. Что ж, зубы показаны, пора перейти к сути. Имя мне - Асгетт. Сан мой - Иблис Бен Касарит. Венец приветствует вас.

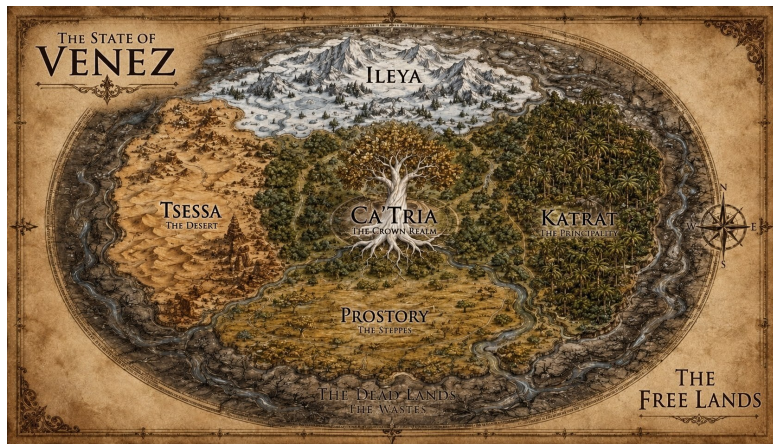
Содержание

Глава 1	5
.....	15
.....	17
.....	28
Глава 2	36
.....	39
.....	54
Глава 3	60
.....	68
.....	70
Глава 4	88
.....	94
.....	102
Глава 5	115
.....	118
.....	120
Глава 6	148
.....	151
.....	158
.....	167
.....	177
Гл	186
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Valeriya Ranchuk

Венец из Пяти Ветвей

Глава 1

Ямы. Вольный приют для любого отребья, что стекает сюда, словно грязная вода после ливня в сточные каналы. Дом для отверженных. Для несчастных, кто спасается от чумы и войн, стирающих великие государства, словно пыль мокрой тряпкой с полок. И для ублюдков, что делают состояние в этом проклятом месте. Здесь, в удушливом полумраке, пропахшем дешевым сивушным спиртом и гниющими нечистотами, идет бойкая торговля. В утеху похотливой толпе продают женщин, детей отдают в рабство, а юнцов и мужей гонят на арены - или, как тут говорят, в загоны для ско-

та. Ни законов, ни чести. А в месте, где нет закона, подобная дрянь плодится словно трупные мухи на солнцепеке.

Она часто тут бывала, но от увиденного челюсть вновь сжималась до противного скрежета зубов. Глаза резало от едкого дыма костров, в которых жгли кости и тряпье, а под ногами хлюпала вечная, незамерзающая жижа вперемешку с кровью и помоями. Одно радовало: их странную компанию, состоящую из девицы и собаки, по пути не трогали. Правда, назвать её девицей было сложно. А назвать собакой её спутника - ещё сложнее.

Сквозь прорехи огромного, прожженного насквозь плаща виднелись лишь обтянутые серой кожей ключицы и костлявые плечи. Лицо скрывал глубокий капюшон, из-под которого тускло поблескивал безучастный, мертвенный взгляд, устремленный в землю. А рядом плелось нечто, словно пережёванное и выплюнутое самой бездной. Животное едва переставляло тонкие длинные лапы, неестественно сгибающиеся в суставах, и поджимало лысый, облезлый хвост. Морда казалась слишком вытянутой, почти птичьей; свалившаяся шерсть шла грязными проплешинами и сочащимися язвами, а мутные глаза дико косили в разные стороны.

Божество из пустоши и наследница Венца никогда в жизни не видели настоящих собак - эдакая незадача. Подобного

попросту не водилось в их родных краях. А в землях дальних, в коих им довелось побывать, всех домашних зверей давно сожрали твари позубастее. Буквально из дерьма, яда и тонких веток, им удалось слепить что-то отдаленно похожее на пса. Вышло откровенно плохо, но результат их искренне радовал.

Созданное ими недоразумение вызывало жалость даже у самых бездушных палачей. Местные громылы навязывали свои услуги не из-за присущей им жестокости, а из-за не пойми откуда возникшего милосердия к умирающей животине. Прокажённые хворью, что так любили цепляться за полы чужих плащей гниющими руками и выть, прося монетку, при виде этого пса испуганно шарахались в стороны. Они обходили их десятой дорогой, боясь подцепить от чудовища сразу пострашнее собственной.

Ещё забавнее была реакция местной публики на тело, что она надевала словно перчатку, что-бы не выдать истинную суть. Трупный, истощенный вид играл ей на руку. Наёмники с окровавленными трофейными головами, покачивающимися на поясных ремнях, со вздохом протягивали ей мелкие медные монеты и заветренные куски солонины, жалея убогую бедолажку. А насильники, только что слезшие с удушенной в порыве страсти бабы на обочине дороги, и вовсе брезгливо отводили взгляд. Они мысленно прикидывали, что та,

мертвая, ещё достаточно свежая и вполне послужит до утра, а с этой бродяжки поймать абсолютно нечего. Выглядела она так, словно её уже поймел добрый десяток мужей до них. Вместе с собакой, судя по всему. Её это полностью устраивало. Безопасность в Ямах стоила любой порции чужого отращения.

И боги были свидетелями, с какой исступлённой, почти болезненной страстью она любила это тело. Здесь не было сокрушительной силы, что бурлила в её истинных венах, не было невидимой короны, тяжёлой, как надгробный камень, с именами рода отца и сгинувшей матери. Не было и той безупречной, ослепительной красоты, которая, словно проклятие, туманила разум всякому, кто осмеливался поднять на неё взгляд. Здесь, в этом блеклом, выцветшем вместилище, даже её дрянной, едкий нрав словно притуплялся, становясь лишь лёгкой горечью на языке.

Нынешнее тело было старше настоящего. Кожа - тусклая, сероватая. Формы - лишённые соблазна. Глаза глубоко запавшие, губы тонкие. Оно не манило, не очаровывало, не внушало ни страха, ни вожделения. И именно поэтому она любила его так отчаянно. В этой неприметной оболочке она впервые могла дышать, не ощущая на себе взглядов, как навязание. Это тело было убежищем. И пусть оно было фальшивым, именно оно стало для неё единственным по-настоя-

щему родным и правильным.

Дома, под удушающей сенью Великого Древа Иблис, её заживо хоронили в шелках, золоте и драгоценных камнях. Девочка не желала красивых одеяний, предпочитая простые платья без дорогих сокровищ на теле. Не желала она ни пиров, ни мужского внимания. Пока её кухни томно вздыхали по молодым князьям, пятнадцатилетняя наследница хотела лишь одного - проводить дни в стремительном движении и поединках. От бесконечных заунывных молитв и нравоучений её буквально выворачивало наизнанку.

- Учись не только клинком махать, но и говорить под стать наследнице, - твердила Артра, тётка по материнской линии, сурово смывая кровь с её разбитых детских костяшек. - Слово режет не хуже оружия. Им вполне можно убивать.

Будущая царица училась быстро. Она не просто приняла правила этой игры, но и попутно начала переписывать их под себя. Своим языком она овладела настолько искусно, что несчастным родичам пришлось в спешном порядке созвать ей лучших воинов из всех подвластных Княжеств в наставники - только бы девчонка наконец закрыла рот и занялась делом.

Правящая Асеки Иблис бен Касарит, царица Висса, лю-

била её больше всех своих детей и внуков вместе взятых. Её привязанность была глубока и безмерна. Дитя осталось без матери, а потому Висса воспитывала внучку наравне с отцом и приёмной матушкой: баловала, прощала любые безумства и позволяла ровно столько же, искренне считав, что этот капризный характер присущ истинной властительнице. И именно она подарила ей этот морок - магический слепок из яда касаритовых корней, позволявший любимице путешествовать по гнилому внешнему миру, пока её истинное тело и душа мирно спали в запертых покоях. Висса лично прикрывала её отсутствие своей волей, резонно считая, что глоток чужого, грязного воздуха пойдет будущей правительнице на пользу. Да и что таить - сама Висса по молодости чудила ничуть не меньше. И потому свобода, дарованная ей, была почти безграничной.

Размышления прервал низкий, нарастающий гул, словно сама земля начала тихо стонать под тяжестью приближающейся беды. Ямы, ещё мгновение назад казавшиеся ленивым, гниющим болотом, в одно мгновение взорвались паническим криком. Отребье металось в безумной попытке спастись: торговцы в панике бросали палатки с потрёпанным товаром, наёмники, не оглядываясь, топтали прокажённых, сбивая их с ног, а шлюхи с отчаянным визгом вжимались в узкие щели между гнилых досок, зажимая себе рты ладонями, словно могли заглушить собственное дыхание. Воздух

внезапно стал тяжёлым, ледяным, будто в Ямы ворвался дыхание самой могилы. Он застревал в горле колючими, морозными крошками, обжигая лёгкие. Пахло гарью, старой кровью и чистой, концентрированной смертью - густой, липкой, почти осязаемой.

В Ямы пришли Жнецы.

Народ хлынул лавиной, снося всё на своём пути. Наследница и её пёс оказались прижаты к сырой стене на самом перекрестке, лицом к лицу с приближающимся строем. Воздух вокруг сгустился, пропитавшись запахом пота, страха и давно не мытых тел. Сердце в груди наследницы забилося чаще, но не от страха - от дикого восторга. Она до дрожи в костях мечтала когда-нибудь сразиться со Жнецом. Проверить их мастерство, что так любили хвалить наемники Вольных земель. Её родной дядя и отец были величайшими бойцами, которые лишь вдвоём отправляли в небытие тысячи душ за одну единственную битву. И вот, теперь новые, живые легенды шли прямо на неё. Какая удача.

Они шагали ровным, монолитным рядом, занимая всю ширину улочки. Воины из Каменной долины были закованные в глухую, матовую черную броню, которая, казалось, впитывала в себя скудный свет тлеющих костров. Лица скрывали литые безликие маски, из-под которых не доносилось

ни звука - только глухой, ровный шаг. Вокруг их тяжелых сапог клубилась и расползалась по грязи магия теней, похожая на живую, голодную копоть. Раз уж эти порождения ночи явили себя этому брэнному миру, значит началась Жатва. Они пришли не за развлечениями в зловонных борделях.

Они пришли за душами.

Из-под глубокого грязного капюшона на Жнецов уставился взгляд, в котором не было ни капли ужаса. Напротив, губы девицы медленно растянулись в предвкушающей улыбке. Она разглядывала идущих прямо на неё титанов с пристальным, оценивающим вниманием, словно опытный охотник выбирал среди стаи самую сильную и опасную добычу. Взгляд скользил по ширине их плеч, по тяжёлому, безупречному балансу брони, по плавным, почти бесшумным движениям, сквозь которые текла и пульсировала живая тьма.

Вдруг пёс опомнился. Этот косоглазый комок из палок сообразил то, чего в своем восторге не учла малолетняя хозяйка. Он резко вцепился зубами в рукав её плаща и со всей дури потянул хозяйку назад, вглубь переулка, пытаясь убрать с дороги смерти. Но отступать в панике было не в её духе. Наглядевшись на Жнецов в упор и изучив доспехи с ног до головы, она сделала лишь один плавный шаг назад, увлекая за собой упирающуюся собаку. Движение было небрежным,

царственным, словно она просто освобождала им дорогу, а не уклонялась от встречи с гибелью.

Командир, шедший во главе отряда, на секунду замедлил шаг, скосив взгляд на странную парочку. Сквозь прорези безликой маски на секунду проступило искреннее недоумение.

«С собакой-то всё понятно, - подумал он, глядя на дергающееся, покрытое язвами чудовище, которое судорожно тянуло девку за тряпки. - Там мозги отбиты. А вот с этой... что не так? Стоит как на рынке, и пялится, будто выбирает, с кем ей лечь. Скудоумная, что ли? Или просто настолько блаженная, что даже собственной смерти не боится?»

Обычно, при виде его воинов, встречные бежали в ужасе, выплевывая собственные легкие, а эта дворняга провожала их плотоядной ухмылкой, словно они пришли исключительно ради её личного развлечения. Командир на мгновение задержал на ней тяжёлый, равнодушный взгляд, мысленно отметив странную нищенку, как отмечают особенно противную язву на теле, но тратить время на юродивую не стал.

Бесполезная.

Уводя отряд дальше, он ощущал лишь усталое раздраже-

ние. Он ненавидел Ямы. Ненавидел эту зловонную грязь, и ещё сильнее ненавидел касаться этой грязи, что он считал ниже животных, собственными руками. Но дед, как и всегда, находил извращённое удовольствие в том, чтобы наказывать наследника именно подобными поручениями, заставляя его лично погружаться в эту мерзость вместо тех, чья прямая обязанность была рыться в отбросах. И потому он выполнял задание с той же неохотой, с какой сытый, холёный кот, привыкший к тёплому очагу и свежему мясу, вынужден ловить крыс в канализационной трубе.

Как только жнецы миновали её, девица даже не подумала отвернуться. Напротив, она бесстыдно принялась разглядывать воинов сзади, оценивая их мощные спины, и не только спины, обтянутые черной кожей и броней, идеальную выправку уходящего строя, жадно ловя каждый их шаг. Проводив взглядом эту монументальную панораму, она похлопала по голове пса и тихо, заливисто рассмеялась. О, эта прогулка определенно становилась лучшей в ее жизни.

.....

Продвигаясь вглубь Ям, жнецы оставляли за собой тела тех, чьи души уже отправились в Каменную долину. Они шли, наводя ужас одним своим молчаливым присутствием. Но образ странной девицы и её милого песика никак не выходил у воинов из головы.

- Это вообще что было? - глухо, со скрежетом раздалось из-под безликой маски идущего следом воина. Звук его голоса был похож на треск льда. - Псина у неё будто из самой бездны вылезла, а девка - из мест еще поглубже. Глаза мертвые, пустые, улыбка - как у бешеной. Эта тварь будто облизывалась.

Командир отряда, не замедляя шага, лишь крепче сжал рукоять тяжелого оружия.

- Потаскал может кто из местных, вот в себя и не пришла, - сухо бросил он в ответ. Голос прозвучал как низкий, вибрирующий гул.

Однако сам он, вопреки всем уставам и многовековой привычке, на секунду скосил взгляд назад, через плечо, в

сторону покинутого переулка. Подобного он не делал никогда. Жнецы не оборачивались. Но сейчас что-то внутри черной брони скреблось и требовало вернуться.

В облике оборванки было всё в корне неправильно. Этот плотоядный, оценивающий взгляд... Нищие не смотрят на безликих так, словно прикидывают, насколько глубоко можно всадить им клинок между сочленениями доспехов, искренне наслаждаясь самой перспективой. Командир перевёл взгляд на дорогу, мысленно пообещав себе запомнить этот переулок. Отряд скрылся за поворотом, унося с собой тьму.

.....

Путь пролёг по крышам покосившихся лачуг, где гнилые балки скрипели под каждым шагом, словно шептали проклятия тем, кто смел на них ступить. Отсюда открывался лучший обзор.

Жнецы работали чисто, без лишней суеты выкашивая души тех, кому не посчастливилось оказаться на их пути.

Пёс укоризненно уставился на девицу своим мутным глазом.

- Сумасшедшая - хрипло выплюнул он, едва ворочая челюстью. - Я вечность живу, но подобного безрассудства еще не видел.

Видел. Тут он, конечно, откровенно лукавил. В своё время это неугомонное дитя разве что за шиворот не вытащило несчастное божество с самого дна вязкой касаритовой реки. Будучи всего лишь пятилетней девочкой, она умудрилась сбежать с неприступных земель отца, когда гостила у него. Как эта кроха вообще ухитрилась пролезть сквозь ядовитые мертвые пустоши - одному Иблису ведомо, но картина тогда

явилась миру потрясающая.

Будущая правительница великого царства преспокойно гуляла по изрезанному трещинами берегу в компании жутких тварей, малахоров, выползавших из отравленных вод на кормежку. Мало кто поверил бы, но эти клыкастые чудовища под её влиянием даже научились кое-как говорить. Правда, от стресса путали слова: выдавали тоскливое «Пока!» вместо приветствия, когда она только приближалась, и радостное, облегченное «Привет!» вместо прощания, когда дитя, наконец, отходило подальше. И эти же хищники преданно оттесняли девочку от обжигающей реки, напрочь забыв о своих важных звериных делах.

- Боятся, что помру, вот и стерегут. Такие хорошие, - ворковала тогда малышка, пока жуткие создания обреченно жалась друг к другу, стараясь не делать резких движений.

«Боялись, что выживу и решу переехать к ним на дно», - мысленно поправила себя повзрослевшая девушка. Эти воспоминания вызвали на её губах лёгкую усмешку. Застыв на месте, она сверлила немигающим взглядом удаляющиеся спины в тяжёлых чёрных доспехах.

Древнее божество тогда вальяжно вывалилось на берег... и тут же нервно задергало огромным черным глазом, оценив

представшее перед ним зрелище. Подобной наглости хранитель не ожидал даже от дочерей Иблиса, коей, собственно, и являлась эта пакостница с растрепанными пепельными волосами. А та, восторженно визжа, уже неслась к его колоссальной туше, без умолку балаболя какую-то детскую чушь. Сожрать её он не мог при всем желании - одна кровь, одно неразрывное целое, намертво скованное узами Великого Древа. Девочка просто бы встала у него в горле. Поперёк. Осознание этого факта заставило глаз божества задержаться от безысходности с удвоенной силой.

Её отец к тому времени успел перерыть вверх дном весь мир. А когда, наконец, выследил беглянку, то застыл в первобытном ужасе. Его драгоценная дочь преспокойно сидела на самом краю, беззаботно болтала ногами прямо в ядовитых черных водах и с неподдельной нежностью наглаживала жуткое, хтоническое диво по массивной, ошалевшей рогатой голове.

Впервые за бесконечно долгие века могущественный владыка сорвался на крик. Да так орал, что, казалось, содрогались небеса. Что касается бессмертного хранителя, то это сейчас у него что ни день, то последний. А неведомое ранее чувство паники поселилось в сознании, как у себя дома. Но тогда, впервые познавшее страх божество предпочло от греха подальше с опаской уползти обратно в ядовитую реку.

Владыка волок свое непутевое чадо за руку. Казалось, прямо на глазах, впервые за три тысячи лет, в густых каштановых волосах правителя проступила седая прядь. Вхар, Царь огненной Цэссы, яростно сверлил дочь взглядом. А та лишь невинно хлопала длинными ресницами, искренне не понимая, в чем проблема. Он требовал от ребенка нерушимой клятвы, умолял больше никогда не приближаться к смертоносной воде. Но разве существовал в этом мире хоть один мужчина, которого эта девка стала бы слушать?

Дитя рвалось в мёртвые земли словно одержимое. И суровому Царю, до безумия обожавшему свою дочь, в конце концов не осталось ничего иного, кроме как смириться. Логика владыки была железной: раз уж девчонка не сдохла за два дня одиночных блужданий по ядовитым пустошам, значит, не умрет и впредь.

В те годы юная принцесса со всех ног бежала к своему огромному речному другу, предпочитая его общество компании всех венценосных кузенов и кузин. А спустя время и сам Касаритовый хранитель привязался к этому дитенышу и можно сказать, полюбил его. Он ревностно оберегал девочку, делясь с ней великими тайнами и знаниями, о которых не ведала ни сама бездонная чаша мироздания, ни её всемогущая бабка. А она в ответ вываливала на рогатую голову свои самые сокровенные секреты и безумные идеи.

И вот, две безмолвные тени неотступно следовали за самой смертью, наблюдая за ней с высоты.

- Пойдём-ка отсюда. Мы уже достаточно насмотрелись, - глухо, но упрямо твердил пёс.

- Подожди. Мне интересно.

Фигуры в чёрных доспехах скользили по переулку, направляясь напрямик к осевшему, перекошенному дому старой ведуньи. К той самой лачуге, где под дырявой крышей всегда пахло сушеной полынью, а у очага было так уютно пережидать затяжные ночные ливни во время вылазок. И сейчас ей совершенно не нравилось, как эти твари обступали знакомый порог.

Старая корга отличалась невыносимой брюзгливостью, но за щедрую плату неизменно выделяла гостье натоленную комнату. Девушка платила не скупясь, поэтому они терпели общество друг друга, выстроив в итоге весьма своеобразное взаимопонимание. На первый взгляд старуха казалась просто мерзкой жабой, но во всём этом проклятом месте, пожалуй, лишь её душа могла претендовать на звание относительно чистой. Она подкармливала вечно голодных местных сирот, пускала их на ночлег в лютые холода и молча лечила избитых девиц, торговавших телом на грязных улицах Ям. Эдакая святая покровительница среди этого болота.

И сейчас эта глупая, упрямая старуха с изрезанным морщинами, обветренным лицом бесстрашно шагнула навстречу неминуемому. Невнятно бубня что-то себе под нос, она встала насмерть своей сгорбленной фигурой, заслоняя покосившуюся дверь лачуги от надвигающегося отряда.

- Бабка, ну не дура ли ты, а?.. - раздраженно выдохнула девушка, опасно свешиваясь с крыши.

- Да примет её душу Бездна... или куда там вас умалишённые забирают, - прохрипел бессмертный бог, вцепившись зубами в подол её плаща и пытаясь оттащить назад. - Своё она отжила. Уходим, Геда.

Хранитель касаритовых рек, как и владыка Цэссы, предпочитали называть её именно так - коротко и привычно. Полным именем «Асгетт» они пользовались лишь в те моменты, когда начинали злиться на неё всерьез. Судя по тону божества, до этого момента оставались считанные мгновения.

- Эту я им не отдам, - тихо, но твердо выдохнула Асгетт. На её блеклом лице медленно растянулся предвкушающий оскал. - Помоги мне.

- Кто бы мне помог... - обреченно заскулил бог, лязгнув зубами от досады.

Ему, великому хранителю душ, чьи пропитанные ядом могучие корни пронзали подземный мир насквозь, было невыносимо тесно в облезлой собачьей шкуре. Он был тем, кто веками хранил в себе души, не заслужившие стать прекрасными цветами на Великом Древе Иблис. А теперь вынужден был тявкать и блох чесать. Но ради этой ненормальной девчонки он был готов стерпеть и не такое.

Внизу, посреди грязной улицы, командир уже занес окутанный дымными тенями клинок. Лезвие двигалось плавно, неотвратно, готовое в одно мгновение рассечь дряхлое горло старухи.

«Это лишь избавление от страданий, - холодная мысль билась в такт замаху. - Они всё равно подохнут, так к чему душам пропадать зря?»

Жнецы лишь забирали урожай первыми.

Рука уже напряглась для удара, когда ночной воздух с пронзительным визгом разорвался надвое. Смазанная черная тень врезалась по его ногам, а после пронеслась сквозь строй ураганным смерчем, с оглушительным лязгом раскидывая закованных в тяжелую сталь воинов в разные стороны, словно пустые деревянные кружки со стола в разгар пьяной драки.

Командир пошатнулся, повинувшись вбитым рефлексам, и мгновенно разорвал дистанцию, уходя в оборону. Лишь опустив взгляд, он с удивлением увидел, как на пальцах левой руки медленно набухает густая кровь. Подняв ладонь, сплошь покрытую сложной вязью ритуальных боевых татуировок, он обнаружил глубокий, рваный след от звериных зубов. Эта неведомая облезлая тварь умудрилась на ходу сдёрнуть тяжелую перчатку и стащить родовой перстень, едва не откусив жнецу палец вместе с костью. А сейчас эта псина, победно зажав массивное черное кольцо в окровавленной пасти, льнула к ногам той самой девки из переулка. Он мог бы поклясться: уродливая животина откровенно и издеватель-

ски ухмылялась, демонстрируя ему ряд гнилых клыков.

Под безликой металлической маской губы тронула ласковая, предвкушающая улыбка. Глаза командира мгновенно затопила глухая, клубящаяся чернота теней. Теперь оставалось лишь выпотрошить их обоих - медленно, растягивая каждое мгновение чужой агонии с особым, гурманским наслаждением.

- Хорошо бегаешь, жнец? - голос прозвучал откровенно насмешливо. Девица небрежно оперлась о хлипкие, подгнившие деревянные перила мостовой. Ловко выудив кольцо из окровавленной пасти пса, она подкидывала бесценный артефакт в воздух, каждый раз безошибочно ловя его тонкими бледными пальцами.

- А как бегаешь ты, дрянь? - угрожающе прорычал командир. Живые тени плотным, колышущимся саваном окутали его плечи. Он сжал рукоять клинка, собираясь сделать один неуловимый рывок и снести дерзкой девчонке голову.

- Сейчас узнаешь, - скользнул по воздуху тихий, прохладный шёпот.

Затея потянуть время оправдала себя. Пока взгляды помятых Жнецов были сфокусированы на ней и артефакте, ста-

руха и стайка перепуганных детей, что сидели в хижине, уже уходили в глубь Ям, скрываясь от верной смерти.

В последний раз небрежно подкинув черное кольцо, Асгетт крепко зажала его в кулаке и легко, словно ласточка, перемахнула через перила. А затем рванула с места. Она бежала с такой скоростью, играючи обгоняя мчащуюся следом псину, что командир удивленно приподнял бровь. Однако уже через мгновение его ступор перешел в жуткий, рокочущий смех, эхом прокатившийся по грязной улице. Он смеялся так, что у любого случайного свидетеля от ужаса кровь застыла бы в жилах.

- Ну давай поиграем, коль так желаешь, сука, - глухо пробасил он, срываясь на тяжелый, размеренный шаг, окончательно стирая из мыслей удравшую жалкую старуху.

На быструю смерть рассчитывать не придётся. Он намеревался лично, шаг за шагом, загонять эту наглую девку по зловонным лабиринтам Ям до хрипа, до надрывного кашля, пока она сама в изнеможении не рухнет к его сапогам. Предвкушая славную охоту на загнавшую себя в ловушку глупую зверушку, он неспешно, с пугающей грацией хищника двинулся следом. За его широкой спиной, словно крылья стервятника, жадно расправлялись голодные черные тени.

Погоня стремительно неслась сквозь грязные лабиринты Ям. Фальшивому телу, созданному из морока, этот изматывающий забег не причинял вреда: плоть не ведала ни усталости, ни физических страданий. Девушка расчётливо увела преследователей прочь из города, направляясь к самому краю высокого каменистого обрыва. План был предельно ясен. Жаль только, что с этой оболочкой сегодня придется расстаться.

- Уходи, - приказала она псу, едва добравшись до каменистой пустоши у обрыва.

- Уверена? - пророкотал бог с нескрываемым хриплым азартом. Похоже, хранитель всерьёз увлекся этой примитивной забавой. - Может, просто сожрём их?

- Я такое не ем, - усмехнулась Асгетт. - Всё, вон отсюда.

Огромный пёс с силой впечатал лапы, глубоко вспахивая когтями каменистую почву, а в следующее мгновение просто стек вниз, уходя в землю, как темная маслянистая лужа. Там, где он только что стоял, редкая чахлая трава с мерзким

шипением превратилась в пепел - чистейший касаритовый яд не оставлял после себя ничего живого.

Оставшись в полном одиночестве на краю скалы, под которой зияла бездонная черная пропасть, Асгетт нетерпеливо застучала стоптанным сапогом по промерзшему камню. Пронизывающий ледяной ветер яростно трепал полы её рваного плаща.

- Ну и где ты бродишь? — рывкнула она в глухую ночную тьму.

От томительного ожидания сквозь жалкий образ уличной оборванки начал отчетливо проступать её истинный характер - властный, надменный и бесконечно упрямый.

Командир неслышной тенью шагнул на край плато и едва сдержал кривую усмешку. Его откровенно забавляло её надменное ворчание, но больше всего его забавляло то, что эта жалкая шавка даже не думала дрожать от ужаса. Видимо, до дурочки долго доходит.

Он приближался неспешно, неотвратно, лениво волоча за собой обнаженный клинок. Острое лезвие с противным, протяжным визгом скребло по камню, оставляя за собой длинную рваную борозду. Подойдя вплотную, не произнеся ни слова, одним резким, небрежным движением сдернул с нее капюшон, и в следующую секунду подсечка выбила землю у нее из-под ног. Тело рухнуло, ударившись с глухим хрустом, точно сломанная марионетка. Грубо вцепившись в ее короткие волосы, он безжалостным рывком запрокинул голову девки, заставляя смотреть на себя. Из-под маски его взгляд, пропитанный клубящимся мраком, медленно и плотоядно изучал каждую черту ее лица.

Её кожа была бледной, как у трупа. Тусклые, почти бесцветные серые глаза безжизненно смотрели на него из-под глубоких, болезненно-темных кругов. В ней не чувствовалось ни искры воли, ни капли скрытой силы - лишь пустой, измученный лишениями сосуд. И всё же...

Командир слегка повел носом: от девчонки не несло гнилью и смрадом трущоб. От её кожи исходил тонкий, дразнящий и совершенно неуместный здесь аромат дикой, кисло-сладкой ягоды. В остальном же - ничего примечательно-го. Не красавица, грязная, до крайности истощенная, с заострившимися скулами и потрескавшимися губами. Он ожидал встретить куда худшее убожество, но даже это жалкое зрелище не пробудило в его темной душе ни малейшего плотского желания. Брать её силой он не собирался. Марать себя о подобный мусор было ниже его достоинства. Местную погань, как и тех, кто в ней копошился, он презирал.

Однако за спиной уже явственно слышалось дыхание подоспевших воинов. Кое-кто из них вполне мог захотеть вдоволь развлечься со свежим мясом, прежде чем отряд двинется обратно в долину.

Брезгливо, словно отбрасывая смердящую падаль, командир швырнул девчонку обратно на камни. Тонкое запястье с тошнотворным хрустом подломилось под тяжестью сапога. Он не просто наступил - он медленно, с садистским наслаждением переносил вес, дробя хрупкие кости, пока побелевшие пальцы жертвы не разжались в невольной судороге, выпуская украденный родовой перстень. Окружающий мир взирал на это с ледяным равнодушием. Тяжелое, затянутое серой пеленой небо, безжизненные скалы и стылый ве-

тер, нёсший с собой лишь запах гнили, служили идеальными декорациями для места, где кусок металла всегда стоил дороже чьей-то жалкой жизни.

Стерев с перстня грязь, командир выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Под маской его взгляд был холодным, как лезвие. Ни тени сожаления, ни проблеска жалости.

- Эта вещь, - его тихий, скрежещущий голос легко перекрыл завывания ветра, - стоит куда дороже, чем твоя жалкая шкура, тупая шлюха.

Он повернулся к замершему позади отряду:

- Кто-то хочет это взять?

Несколько воинов молча выступили вперёд. Шагнули к лежащей девушке нехотя, словно борясь с отвращением к столь жалкой оборванке.

- Развлекайтесь, - глухо обронил он, окончательно потеряв к ней всякий интерес и одним выверенным движением вонзил свой клинок глубоко в землю.

Металл жалобно звякнул, намертво прибив края её плаща к скале, словно распиная пойманную бабочку булавкой.

Оставив девчонку у ног своих солдат, он плавно отступил в сторону, бережно возвращая кольцо на его законное место.

Девка, распластанная на камнях с вдребезги раздробленной кистью, вдруг разразилась громким, залиivistым смехом. Этот звук, звонкий и совершенно неуместный, эхом отразился от скал. В нём не было ни капли боли или отчаяния - только искренняя и почти безумная радость. Она смеялась так, словно уже видела финал этого грязного представления и в нетерпении предвкушала развязку.

- Я с подобной мерзостью не сношаюсь - презрительно и с откровенной издевкой было выплюнуто прямо в скрытые лица.

Из-под масок донесся низкий, утробный смешок, больше похожий на рычание голодных псов. Асгетт прекрасно знала, о чём они сейчас думали. В их извращенных умах уже мелькали грязные, жестокие образы: как они по очереди будут вжимать её изломанное тело в ледяные камни, с треском разрывая остатки плаща. Как станут вколачивать в неё своё презрение вместе с похотью, пока девчонка не захлебнётся хрипами и собственной кровью. Они предвкушали, как втопчут эту уличную дрянь ещё глубже - туда, где ей, по их мнению, было самое место - на самое дно зловонной сточной канавы.

Пусть это тело было всего лишь временной куклой, но осквернить его она никому не позволит. С этой старой бабки она потом лично и очень строго спросит за спасение, из-за которого она сейчас лишится такой дорогой и любимой игрушки. А после, она лично спросит со Жнеца, даже если ей придётся залезть в их проклятую долину.

Резко, с животной яростью Асгетт рванула всем телом. Плечевые суставы тошнотворно хрустнули, выворачиваясь из пригвожденного клинком плаща, а ткань с мокрым, противным треском лопнула и осталась на клинке. За долю секунды, преодолев оставшееся расстояние до самого пика, она резко обернулась к замершему в растерянности отряду. Под ногами сухо заскрипел и посыпался вниз мелкий щебень, исчезая в крошечной тьме без единого звука. Серые глаза прищурились по-кошачьи. На потрескавшихся губах медленно расплзлась улыбка.

- Надеюсь, мальчики не в обиде? - с издевательской хрипотцой прошипела девица. - Уверена, с развлечением вы вполне неплохо поможете друг другу и без меня. Сверху вниз... Ну, вы и так знаете.

И подмигнув опешившим Жнецам, не колебаясь ни единого мгновения, сделала обманчиво легкий шаг назад. Просто отпустила себя, проваливаясь в голодную черноту про-

пасти спиной вперёд. Плотный, ледяной воздух мгновенно сомкнулся над ней, проглотив тонкую фигурку, словно жадная пасть чудовища.

Жнецы стояли неподвижно, глядя в пустоту. Кто-то тихо, витиевато выругался. Развлечение, которое они уже почти ощутили кожей, ускользнуло прямо у них из рук.

Глава 2

Когда будущий Шах Каменной долины снимал тяжелую матовую броню Жнеца, он отнюдь не переставал быть воплощением смерти. Напротив, лишившись стальных пластин, он казался еще опаснее - словно матерый зверь, сбросивший лишний панцирь ради чистой, неуловимой скорости.

Наследник был дьявольски, порочно хорош собой той острой, хищной красотой, от которой у жертвы замирает сердце за мгновение до того, как лезвие перережет горло. Резкие, словно высеченные ножом скулы, идеально прямой нос. В профиль он выглядел еще более пугающе: безупречный излом челюсти, который переходил в твердый, четко очерченный, упрямый подбородок и чувственные, плотно сжатые губы, на которых застыло вечное пренебрежение ко всему живому. Из-под густых, вечно нахмуренных черных бровей и пушистых смоляных ресниц его взгляд резал мрак комнаты насквозь. Отливающие кроваво-красным глаза светились изнутри первобытной магией и дышали вековым равнодушием. Темные, влажные волосы были коротко выбриты по бокам, а рваные длинные пряди небрежно падали на лицо, частично скрывая этот леденящий, пристальный взор. На его безупречном лице выделялся металлический шарик пирсинга под нижней губой и россыпь серебряных колец в

ушах. Вся его широкая грудь, мощные плечи и шея были забиты ритуальными татуировками. Темные чернильные узоры, среди которых отчетливо угадывались черепа, въелись в медово-бронзовую кожу.

Цина - нареченный именем прадеда, - терпеть не мог вычурную шелковую роскошь, предпочитая практичную одежду воина. Тёмные ткани туго обтягивали литые мышцы, а сложная вязь черных кожаных ремней, словно вторая броня, надежно обхватывала торс. На руках неизменно красовались плотные перчатки, поверх которых тускло поблескивали массивные родовые перстни. Он сидел сцепив пальцы и упрямо перебирал в мыслях случившееся.

Этот мужчина привык к тому, что женщины рушатся к его ногам с жалкими мольбами, а не бросаются в самую бездну на острые камни. Будущий повелитель сейчас попросту не мог выкинуть из головы эту драную девку. Её звонкий хохот, открытое презрение и абсолютное бесстрашие, неуместный запах и то, как она без единого колебания шагнула в пустоту - всё это царапало по обнаженным нервам. Воспоминания распаляли внутри не простое раздражение, а всепоглощающую темную злость.

Оказавшись на дне ущелья, он предвкушал, как вырвет душу этой гадины и вдоволь насладится видом кровавого

месива на камнях. Однако вместо этого Цина нашел лишь то, что рассыпалось при малейшем прикосновении. Ни крови. Ни разорванных внутренностей. Ни единого следа души. Сначала он подумал, что проклятая псина опередила его и сожрала добычу - он уже ничему бы не удивился. Но чутье подсказывало иное: в этой пустой оболочке души не было изначально. Опустившись на колени, он зачерпнул рукой серые соринки. С тихим, почти издевательским шуршанием они просочились сквозь его пальцы невесомым прахом, стирая последние иллюзии.

Морок. Сильная, абсолютно неведомая ему магия, природу которой он не мог разгадать. Он привык играть с чужими телами, подчиняя их, но то были создания из костей и жил, выношенные во чреве матери. Из чего было соткано *это* - Цина не мог представить даже в самых безумных фантазиях. А с фантазией у него проблем не было никогда. Оболочка, что так искусно управлялась кем-то, теперь преследовала будущего Шаха в мыслях каждый чертов день. А въевшийся запах намертво забил его ноздри. Охотник остался с пустыми руками.

- Что же ты такое?... - сорвалось с его губ в пустую темноту, пока он смотрел как перстень гниёт и поспешно разлагается на его пальце, оставляя тошнотворный кисло-сладкий шлейф.

.....

Из глубокой, колышущейся тени в углу спальни неспешно, с грацией истинной владычицы, выступила статная фигура.

Царица Ца'трии, Висса выглядела поистине величественно. Время не имело власти над дочерьми Иблиса, оттого она казалась лишь умудренной жизнью родственницей с тысячелетним опытом, но совершенно не тронутой увяданием. Её кожа, напоминающая безупречный мрамор, была заметно бледнее, чем у внучки. Длинные русые волосы хитроспле-

тением тяжелых прядей укладывались в сложную причёску, щедро усыпанную золотыми шпильками и венцами. В полумраке комнаты они мерцали, в точности повторяя форму сияющих листьев Великого Древа.

Наряд Царицы был данью уважения их первородному предку. Белоснежное, как ствол Древа, платье облегало стройную фигуру. На одном плече, массивной золотой брошью в виде рогатого льва - герба их древнего рода, крепился тяжелый красный плащ, что ниспадал за спиной кровавым водопадом. У самого пола ткань градиентом перетекала в непроглядную черноту - символ глубоких касаритовых корней, питающих их род.

О её безграничной власти безмолвно кричал не только этот священный наряд, но и тяжелый, всеведающий взгляд. Глаза сияли золотом - тем самым, древним диким огнем, что веками текло по ветвям Древа прородителя. И когда её губы тронула мягкая, обманчиво ласковая улыбка, показались острые клыки.

- Иблис Бен Касарит, приветствую тебя, кровь моя. Как погуляла?

Асгетт откинулась на шелковые подушки, даже не думая встать перед великой правительницей. Бабке лгать было бес-

смысленно - Висса видела её насквозь.

- Было весело. Поначалу. - честно отозвалась наследница.

Она прищурила свои хитрые медные глаза, усыпанные золотистыми крапинками. Этот глубокий, пронзительный взгляд, вместе с теплой, карамельно-золотой кожей она унаследовала от отца. А вот дикая, броская красота и роскошные длинные волосы - иссиня-черные у самых корней и переходящие в холодное, пепельное серебро на концах - достались ей от деда, Князя Катрата, Раду.

Если Вхар - Царь Цэссы, был воплощением роскоши, то Раду казался чистым проявлением опасной природы. Его тело, высушенное до идеального, литого рельефа, имело оттенок тёмного дерева. На этой смуглой коже золотые татуировки выглядели не как украшение, а как шрамы, сочащиеся древним колдовством: сияющая вязь тонкими ручьями иссекала его скулы, плечи и сходилась плотным узлом на животе. Лицо Раду, с его резкими, угловатыми линиями, дышало абсолютным, звериным спокойствием. Его пугающие глаза, лишённые белков и полностью залитые густым, расплавленным золотом, казалось, никогда не моргали. Он озирает пространство, словно сытый тигр свои владения. Платиновая, ослепительно светлая копна волос, широким каскадом спадала до самой поясницы. Две тяжелые, толстые косы у ли-

ца были стянуты массивными золотыми зажимами, которые при малейшем движении глухо стучали по его ключицам.

Никаких шёлковых одеяний или парадных доспехов - этот мужчина нёс свою силу обнажённой, и в залы Катрата он приносил отчётливый, тревожный дух диких лесов. Он всегда сидел едва прикрытый белоснежной тканью на бёдрах, а его могучий торс лениво обвивали кольца огромной чешуйчатой змеи. Хищная рептилия ластилась к его шее, словно признавая в хозяине существо куда более опасное, чем она сама. В его вальяжной позе сквозила готовность в одно мгновение, без единого лишнего вздоха превратить это тело в разящий клинок. Как они вообще умудрились сойтись и нажить с Виссой детей, при этом ни разу не перегрызшись насмерть, оставалось для всех великой загадкой. Именно эта дикая, не знающая поводов порода деда теперь кипела в жилах принцессы, делая её столь же необузданной.

- Твой подарок был просто чудом. Жаль только, что с куклой пришлось попрощаться раньше времени, - Асгетт слегка склонила голову. - Сделаешь мне новую, бабушка?

Царица приглушенно рассмеялась. Звук её смеха напоминал шелест листьев, в которых таилась скрытая мощь ветров. Она подошла ближе к кровати, плавно покачивая бедрами. Тяжелый, выцветающий в черноту край её плаща мягко шуршал по толстому ковру.

- Потеряла куклу? Надо же. И кто же умудрился довести моё дитя до того, что ей пришлось развеять морок? - она опустила на край ложа, внимательно разглядывая точёное лицо внучки, обрамленное серебряными прядями. - Неужели в Ямах научились отращивать зубы?

- На Жнецов напоролась, представляешь? - невинная улыбка тронула пухлые губы Асгетт, на секунду обнажив острые зубки.

- Или это они напоролись на тебя? - в тон ей, с притворной наивностью уточнила Висса. В её золотых глазах вспыхнули искры.

Слова были излишни. Асгетт плавно протянула ей руку. Едва их кожа соприкоснулась, как образы минувшей ночи перетекли в разум Царицы чистой, звенящей водой.

- Скверно, - тихо выдохнула Висса, разрывая ментальный контакт.

Она медленно поднялась на ноги, нежно, ободряюще погладила внучку по макушке и принялась мерно расхаживать по просторной, утопающей в тёплом янтарном свете спальне. Легкие пологи кровати едва заметно колыхались вслед её плавным, царственным движениям, словно сам воздух в

комнате покорно расступался перед ней.

- Мне совершенно не нравится то, что происходит в Вольных землях, - заговорила Висса, и её глубокий голос зазвучал весомо, раскатисто. - Каменная долина со своими безликими вырождаками начали шастать по Ямам как у себя дома. Они оставляют за собой горы трупов, а эта брошенная плоть уже начала заражаться тленом из бездны и скоро начнёт вставать по её первому зову. Империя, которой уже тесно в собственных границах, потеряла всякий страх: она прет в Павиру, как жирный вепрь в трясину, надеясь урвать лишний кусок земли, попутно не забывая гавкаться со "святыми" воинами Триты, что несут свою истину, словно пьяный проповедник. А скверна тем временем терпеливо прячется во тьме, копит силы и вдоволь упивается их глупостью. Слепые.

Висса резко остановилась и тяжело посмотрела на внучку своим пронизывающим насквозь взглядом.

- Скоро эта скверна вылезет наружу, - процедила она. - Великие дома вновь примутся с упоением вырезать друг друга, щедро кормя Бездну, и всё повторится в точности так же, как в те времена. Их роды и так истончились, а если они не остановятся, то от их хваленой крови не останется даже следа на их грязном полу. Но признаться, на них мне плевать. Их судьба предрешена их деяниями. За всё в этом мире при-

ходится платить.

Она отвернувшись, подошла к высокому арочному окну и принялась задумчиво выстукивать ритм по холодному подоконнику. Массивные золотые кольца на её длинных пальцах издавали тихий, мерный звон, словно отсчитывая оставшееся этому миру время.

- Павира - наши ближайшие соседи. Одни из немногих, кто знает о нашем скромном существовании, - продолжала Висса, глядя на раскинувшийся внизу процветающий край. - Я хочу укрепить это добрососедство, отдав Вольные земли под их контроль, первоначально вышвырнув всех заблудших шавок с этой земли. Пусть напыщенные властители считают народ Павиры дикарями, вылезшими из дерьма, но они теперь под нашей защитой, и с этим им придётся считаться. Когда полчище бездны пойдет жрать всё, что попадется на пути, мне ни Жнецы, ни Имперцы под боком не нужны. Пусть бездна пожрёт их на их собственной земле, а не топчется с этим гниющим мясом в зубах под моей калиткой.

Асгетт подалась вперед, уперев ладони в колени и напряжённо вглядывалась в силуэт бабки, пыталась разглядеть её истинные мысли:

- Что ты удумала? - в голосе слышалась тревога, сме-

шанная с невольным предвкушением.

- Подождём Великий совет. Уже скоро... - на губах Виссы скользнула холодная усмешка. - Когда до бестолковой Империи дойдёт, что они не возьмут своими рогами ворота Павиры, за которыми будем стрять мы, они побегут на ковёр к Хранителям Храма Мира, что-бы жаловаться им на грязных ублюдков, кидая на стол переговоров свитки с требованиями и угрозами. Идеальное время для личного знакомства, не считаешь?

Висса подошла к кровати вплотную, заставляя внучку по-добраться и сесть ровнее под давлением её тяжелого взора.

- Пора свыкнуться с этим телом, которое породило для тебя Великое Древо, - вновь заговорила она. - Пора брать силу, что принадлежит тебе по праву рождения. Пора при-знать: ты больше не капризное дитя, ты - будущая правитель-ница. Венец на твоей голове будет тонок, но бремя его ока-жется невыносимо тяжелым, любовь моя. Начинай мириться со своей судьбой.

В воздухе неуловимо похолодело. Явилась та самая, ред-кая, леденящая кровь строгость, перед которой мгновенно отступала любая девичья спесь. Царица плавно, но весомо опустила ладонь на плечо внучки.

- Я выжгу дотла всю дрянь для твоей защиты если потребуется, ты знаешь это, - произнесла Висса, и в её глазах мелькнуло безжалостное пламя. - Но теперь, когда бездна уже стоит на нашем пороге, я хочу чтобы ты оставалась под сенью Иблиса. В безопасности. Мы сильны, да... и жизнь наша долга - но отнюдь не вечна.

Асгетт была в корне не согласна, но перечить не смела. Только не ей. Будь на месте бабки тётка Артра или отец, она бы с огромным удовольствием отстаивала свою свободу часами, нагло скаля клыки и доводя их до чистого безумства. Но если уж сама Царица требует от неё смирения, значит, ей придётся его познать.

- Они не уйдут добром, - хмуро отозвалась девица, искренне разочарованная потерей чуть ли единственной отдушины в её жизни - её тайных вылазок в чужие края.

- Добром мы заплатим после кнута, - Висса коварно ухмылялась. - Пустоши нам этого добра предоставят не мало. В пещерах мертвых земель хранится более чем достойная плата.

Асгетт тут же поморщилась. Она прекрасно знала, что лежит в тех подземных чертогах у самых границ. Кальс. Го-

лубой, слепящий глаза минерал. Ей слишком хорошо было знакомо истинное, грязное происхождение этой дряни.

Пещеры на стыке Пустошей и Вольных земель были рассадником для полчищ ядовитых пауков. Десятки тысяч лет назад, когда Венец ещё не был скрыт пеленой забвения и тумана, отчаянные безумцы сотнями лезли в эти подземелья. Они надеялись унести с собой хотя бы крошечный осколок голубого камня, но выбраться живыми удавалось лишь единицам.

Сами пауки и порождали это проклятое «сокровище». Когда корыстолюбивые скитальцы попадали в ловушку, едкий паучий яд проникал в их тела, заживо кристаллизуя плоть и кости, медленно превращая бьющихся в агонии в голубые глыбы. А тот манящий, призрачный свет, что испускал готовый камень, был вовсе не магией недр - это слабо тлели остатки запертых душ, мучительно угасающих в этой вечной мерзости.

Для чужаков за пределами Пустошей Кальс оставался самым желанным, недостижимым сокровищем. Злая ирония заключалась в том, что на деле этот трупный камень не стоил и одной ломаной ржавой монеты. Пока правители чужих краёв с гордостью вешали тяжелые ожерелья из Кальса на шею своих жен, скупая когда-то украденные крупницы за бас-

нословные, безумные деньги, в Венце эту гадость побрезговали бы взять голыми руками.

И это при том, что народы Венца в принципе было крайне сложно назвать брезгливыми созданиями.

Короткий, едкий смешок невольно сорвался с её губ, стояло Асгетт только представить эту абсурдную сделку. Но внезапная мысль о скором, неизбежном выходе из тени в истинном облике тут же заставила её сердце болезненно пропустить удар. Царица так решила и это не обсуждается. Чтобы прогнать липкую, непривычную тревогу, она резко тряхнула головой, отчего пепельно-серебряные локоны рассыпались по её карамельно-золотым плечам.

- Мы прибудем на совет под гербом Павиры? - спросила Асгетт, косо глянув на бабуку.

- Конечно, кровь моя.- успокаивающе произнесла Висса.

- А что Жнецы? - наконец Асгетт задала вопрос, который, казалось, беспокоил её сильнее всего.

- А что Жнецы? - вторила Висса, безразлично пожав плечами, словно речь шла о назойливой мошкаре.

Но все-же, при одном лишь упоминании Жнецов лицо царицы неизменно искажалось в брезгливой гримасе. Страх перед безликими воинами Висса не испытывала, отнюдь. Но сама мысль о чёрных, удушливых тенях, копошащихся под их доспехами вызывала отвращение. Она категорически не признавала саму природу их лишённой тепла крови. Для Царицы они были уродливым искажением мироздания, противоестественной ошибкой, которой не должно быть места под солнцем. Ведь порождения долины были сотканы из самой ночи, что безраздельно правила в их землях.

- Пусть залезут обратно во тьму, откуда когда-то вылезли, - отрезала Висса. Но тут же неувовимо смягчилась, тепло улынувшись: - Отдыхай, милая.

Оставив на лбу внучки нежный, тёплый поцелуй, она плавно развернулась и направилась к выходу. Тяжёлый подол её плаща бесшумно скользнул за закрывшуюся дверь спальни.

Точно борясь с невидимой тяжестью, Асгетт поднялась с ложа из струящегося шёлка и преодолев внутреннее сопротивление, заставила себя взглянуть в холодную зеркальную гладь. В то же мгновение пальцы её судорожно сжались в кулак, а ногти до боли впились в ладони.

На неё смотрело отражение, которое она уже перестала считать своим.

Пленительные черты предстали пред ней во всём своём великолепии: чёткий, благородный овал лица, тронутый едва заметной россыпью золотистых веснушек, точёный, горделиво заострённый подбородок и высокие, плавно очерченные скулы. Тонкий нос и чувственный изгиб пухлых губ являли собой безупречное, совершенное оружие. То был бесценный дар, за который при желании можно было купить всё земное величие - от слепой верности несокрушимых легионов до золотых корон чужеземных владык.

Этот ресурс когда-то использовала её мать. И эта мысль обжигала изнутри. Наследница Венца испытывала презрение к самой возможности того, что её истинную, первоздан-

ную суть посмеют мерить ничтожной мерой похоти и плотского вожделения.

Позади себя, в призрачной глубине зеркального полотна, она узрела чужое присутствие. Касаритовый хранитель рек вальяжно сидел на её кровати, успев сменить свою собачью ипостась на облик обнажённого юнца. Собственной наготы древнее божество не стеснялось от слова совсем - стыд был неведом существу, чьи незримые корни веками покоились в загробных водах, лаская остывшие души на самом дне великой реки.

В этом обличье он казался пугающе похожим на Асгетт. Они смотрелись в этих янтарных покоях дворца Ца'трии как родные брат и сестра, рождённые одной великой силой Иблиса.

Только вот гипнотические глаза Бога до краёв были залитые чёрным ядом. Он нёс в себе потустороннюю суть реки: кожа его отливала мертвенной, лунной бледностью, тонкие уши заострялись кверху, а голову венчали тяжёлые, витые рога. По бледному лицу струились сияющие золотые линии, похожие на трещины в обсидиане. Два прекрасных, совершенных чудовища, замерших друг напротив друга.

- Не расстраивайся, Геда, - голос его был шипящий и глухой. - Я принес тебе подарок.

Он плавно, бесшумно поднялся с постели и, словно плывя по полу, приблизился к Асгетт вплотную. От его обнажённого тела веяло могильным холодом подземных вод и приятным ароматом ядовитой черной ягоды. Божество нежно обхватило её ладонь своими когтистыми пальцами, подняло руку наследницы чуть выше и скользящим движением надело на её тонкий девичий палец тяжелое кольцо.

Она опустила взгляд и обомлела.

Тяжелым, чужеродным грузом на её руке покоился массивный перстень. Черный металл, казалось, всё ещё хранил леденящую прохладу магии теней и едва заметно поблескивал в теплом свете спальни.

- Удивил так удивил... - ошарашенно выдохнула Асгетт, замороженно разглядывая черный трофей. Она судорожно попыталась понять, как это сокровище вообще ухитрилось здесь оказаться.

Божество мягко улыбался.

- Я сожрал кольцо этого щенка, - он лениво стукнул острым тёмным когтем по перстню на её пальце и протянул: - Палец у этого Жнеца, к слову, был на редкость невкусным.

Нахмурившись, Асгетт пыталась сопоставить воспоминания. Что же тогда забрал Жнец?

- Некоторые вещи лучше не знать, - будто прочитав её мысли, он глухо, утробно рассмеялся, обнажив ряд заточенных зубов, - Но уверен, мальчишка был в полном восторге от моего сувенира.

Жнецы оставили слишком много трупов на улочках Ям. И один маленький кусочек плоти с ядом касаритовых рек Командир унёс с собой вместо желаемого.

Божество сделало шаг назад, плавно отдаляясь от неё:

- Хорошее колечко. Подобное может позволить себе лишь знатный род. Оберег. С ним воин никогда не будет знать страха получить смертельный удар. Отводит чужую сталь, бережёт жизнь хозяина.

Замерев на секунду, Асгетт заливисто, оглушительно рассмеялась на всю опочивальню. В воздухе звенел чистый, безумный восторг. Хорошая получилась партия.

Отсмеявшись, она резко стянула тяжелый матовый перстень и брезгливо швырнула его на комод. В эту же секунду её интерес к Жнецам окончательно сменился на чистую ненависть. Носить на своем теле чужой артефакт, который к тому же болтался и был ей совершенно не по размеру, ей не хотелось. Единственное, чего она сейчас искренне желала, это при первой же возможности лично запихнуть этот перстень в одну очень мерзопакостную задницу.

- Хороший подарок, - Асгетт завалилась обратно в кровать, забираясь под бок к божеству, который уже успел улечься туда во всей своей бледной наготе.

Он лишь улыбнулся, глядя на неё своими чёрными глазами. Его когтистая ладонь бережно скользнула по её роскошным платиновым волосам, перебирая серебряные пряди. Он просто хотел её порадовать. Древнее божество реки не знало привычных чувств, но за годы привязанности уяснило одну истину: когда это дитя грустило, его собственное нутро выворачивало, словно от невыносимой, удушающей хвори. И сейчас, глядя на это счастливое, улыбающееся лицо, Хранитель желал лишь одного - найти того безликого жнеца и заживо сожрать. Медленно. С костями и доспехами. Даже если придется долго и мучительно давиться.

Глава 3

Объединение с Империей дед считал мудрым и своевременным шагом. Цина же видел в этом лишь очередное проявление глупости - сделку, рождённую не расчётом, а наступающим старческим упадком. Каменная Долина и без чужой помощи могла бы поглотить Павиру за одну-единственную ночь.

Безродные дикари никогда не представляли для Жнецов ни малейшей угрозы; они были слишком ничтожны, чтобы вызвать даже презрение. Но дело заключалось вовсе не в этом.

К чему им вообще сдались эти земли?

Жнецов совершенно не интересовали скудные ресурсы и края, что далеки от их границ. Беспородные женщины, с отчаянным безумием перерезавшие себе и своим визжащим выводкам глотки, лишь бы избежать неизбежного надругательства, ни вызывали у них даже мимолётного вожделения. А мужчин и юношей в рабство они не брали - слишком слабые и бесполезные.

Гораздо тревожнее было иное. За узкими границами этого

мелкого, упрямого царства, простирались мёртвые земли, о которых даже древние карты предпочитали умалчивать: безмолвные, окутанные ядовитым маревом, где воздух сам по себе был ядом, а горизонт терялся в серой, безжизненной дымке.

Венец. Якобы так некогда именовалось это могущественное Царство, чьё имя хранят лишь древние, пожелтевшие свитки Храма Мира. По легендам, что так любят рассказывать матушки непослушным отпрыскам перед сном, его просторы цвели и вызывали зависть; ни одна война не могла сокрушить их, а древний народ, что жил как и жнецы - тысячами, хранил свою кровь в строгой чистоте, отказываясь отдавать дочерей чужим домам и заключать браки с иноземцами.

Но затем пришла великая Кара Бездны.

Она пронеслась по всем землям подобно неумолимому тарану. Венец был стёрт с лица мира по воле Бога Касарита и погружён в ядовитые реки. Чтобы не отдать души Бездне, божество пожрало всё живое, что жило в тех краях.

С тех пор чёрные воды кишат телами, что превратились в проклятых чудовищ - искажённых, терзаемых вечным, неутолимым голодом. Конечно, никто никогда не видел этих

созданий воочию. Всякий, кто осмеливался приблизиться к берегам, назад уже не возвращался.

Цина сомневался в правдивости древних свитков и уж точно не верил ни в какое божество, скрывающееся в ядовитом болоте. Но он вполне верил в то, что не испытывает ни малейшего желания узнать, какие именно твари могут выползти из этих вод на свет, если их потревожить. Хищник слишком хорошо знал цену собственной силе и понимал, когда даже самому могучему зверю следует хранить почтительное расстояние от чужих охотничьих угодий, дабы однажды самому не стать добычей.

Его дед, Равель, ныне правящий Шах, выслушал все доводы и вынес приговор, от которого не было отступления. Союзу быть. Империя щедро осыпала Жнецов золотом, однако истинной ценой сделки стала не казна, а кровь. Имперская принцесса, чьё имя уже давно превратилось в легенду - совершенная, недостижимая.

Самому Цине было глубоко безразлично. Он давно пресытился покорной красотой и явно не испытывал ни малейшей потребности в брачных узах. Брак для него был не более чем политической необходимостью - инструментом для укрепления власти над Долиной. Жена окажется ослепительной прекрасной и высокородной, а значит, достаточно ценной,

чтобы носить его имя и потрудиться родить ему наследника.

Вот только кровь не хотела разбавляться, яростно кусаясь. И потому потомство жнецов неохотно шло в этот мир: обычно оно дошло вместе с той, что смогла понести. Случаи, когда иноземкам все же удавалось выносить это бремя до срока, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А чтобы сосчитать младенцев, сумевших сделать хотя бы первый вдох, хватило бы и одного пальца. В Каменной долине, несомненно, были женщины их собственной, чистой крови. Но - к прискорбию, в ничтожно малом количестве. Ночь предпочитала даровать им мальчишек, скупое пренебрегая дочерьми. И даже если принцесса сотворит невозможное, она все равно неизбежно подохнет в скором времени. Даже помогать не придётся. Никто в этом мире не жил так долго, как жнецы.

Только бы ему самому кто-нибудь не помог подохнуть.

Три года изнурительной, кровавой войны вместо одной-единственной победоносной ночи - вот какой подарок преподнесла им Павира. Тысячи имперских воинов стали ценой этой горькой иллюзии. Безликие жнецы, чьё ремесло сводилось к быстрой и беспощадной резне, превосходили любых воинов, а тем более - закованных в золочёные доспехи имперских рыцарей. Их полное отсутствие ума и блестящие латы лишь облегчали задачу тем, кто умел наносить удары в

щели. Однако даже жнецы, непревзойдённые мастера теней, были неприятно удивлены.

Неорганизованные дикари, которые прежде хаотично и глупо сражались в мелких стычках в Ямах, внезапно явили миру пугающую военную тактику. Слаженно, шаг за шагом, словно научившись терпению, они начали вытеснять чужаков с границ Павиры, а затем и вовсе погнали их по территории Вольных земель, словно волки потрерёпанное сдато овец, оставляя за собой лишь выжженные поля и тлеющие трупы, аккуратно сложенные в молчаливые пирамиды.

Худые, высокие бойцы в лёгких, развевающихся накидках поначалу казались безликим воинам неинтересной и лёгкой добычей - жалкой дичью, которую не стоило даже пачкать клинки. Но когда эти дикари схватились за копья да взяли в руки по два изогнутых клинка и с безумной, почти священной яростью закружились в смертоносном танце, исход всей кампании начал стремительно и необратимо меняться, словно сама земля решила напомнить завоевателям, что не всякая кровь проливается легко.

Павирцы двигались неумолимо и безостановочно, сплетая вокруг себя живой стальной щит, из которого невозможно было вырвать ни одного бойца. Никто не мог приблизиться на расстояние удара - их строй оставался целостным, словно

состоял не из плоти, а из острых шипов. Их выносливость превосходила всякое разумение, и хотя Жнецы ещё могли бы справиться с этим упорством, скорость и реакция павирцев превратились в непреодолимую преграду для воинов. В ближнем бою Жнецов спасала лишь тёмная магия, которую они призывали с отчаянным хладнокровием. Имперцев же не спасало ничего. Их косили целыми отрядами, словно бесполезную траву, и золото их доспехов лишь ярче сверкало под потоками собственной крови.

У будущего Шаха упорно не сходилась картина этой войны. Дикари не могли так драться. Будто кто-то направлял их клинки, кто-то тенью стоял за их спинами, диктуя правила игры. Цина раздраженно сжал кулак, и на его покрытых рисунками пальцах тупо занял старый шрам от укуса. Вдобавок ко всему, эта проклятая тварь, ухитрившаяся спасти его родовой перстень и оставить взамен кусок смердящей плоти, намертво засела в мыслях.

Наследник долины поминутно возвращался мыслями к каменистому обрыву, пытаясь разгадать эту аномалию. Тепло морока, рассыпавшееся серым прахом, полное отсутствие искры души, не пойми куда пропавшая псина и этот въевшийся в ноздри, сводящий с ума запах...

Новости прилетели быстрее, чем наследник успел вер-

нуться в родные земли. Воины Триты, словно сорвавшиеся с цепи псы, обрушились на приграничные провинции Империи с яростной, почти одержимой жестокостью. Вдохновившись подвигами Павиры, они выжигали сытые долины дотла, оставляя после себя лишь чёрные поля, усеянные обугленными трупами, и дымящиеся руины, над которыми ещё долго висел тяжёлый, сладковатый запах горелого мяса.

Обезумевшие от ярости и унижения имперцы не стали терпеть дальнейших потерь. Властитель ответил на это радикально и без промедления - он созвал Великий совет. Закон был непреклонен: при звуке этого зова все цари и подвластные им князья обязаны были немедленно сложить оружие и явиться в священный Храм Мира, дабы разрешить спор словом, а не сталью. Никто не имел права игнорировать призыв, не рискуя навлечь на себя гнев всех народов одновременно. Отказ от такого совета означал не просто вызов - это было равносильно объявлению войны всему живому.

Для Цины это означало лишь одно: война с Павирой временно затихает, и ему придётся сбросить пропитанные кровью доспехи, чтобы облачиться в тяжёлые парадные одеяния и сопровождать деда в этот фарс, именуемый миром. Будущий Шах раздражённо повёл плечом, и в полумраке покоев его глаза сузились в холодные, кроваво-красные щели. В Храме Мира соберутся все - имперские петухи в золоте,

святая, мать их, сталь Триты, братья по оружию из Вархи, древние выродившиеся дома из Саривии, Владыка Павиры со своим отребьем...

Что-то в землях за пустошами начало меняться, и Цине это до бешенства не нравилось.

Три года. Ничтожный, мимолетный срок для живущих тысячелетиями созданий. Но для Асгетт эти года тянулись безумно, невыносимо долго. Бессмысленное кровопролитие за границами пустошей она совершенно не понимала. Радовало лишь то, что воины Венца были неописуемо превосходны и слаженны в бою. Великая Цэсса с гербом огненного стихийного исполина, принадлежавшего её отцу - Царю Вхару - намертво укрепила рубежи Павиры, облачившись в их одеяния и взяв их стяги.

Пустынные воины по праву считались вторым из самых страшных и безжалостных орудий их земель. Бойцы раскаленных песков изо дня в день сражались с похождениями пустыни, что вылезали под покровом ночи. Бесстрашные, заколенные зноем несокрушимые воины были для Павиры главным щитом.

Первым же клинком Венца считался Катрат. Её глухие леса были окутаны удушливыми туманами, а топи делали их абсолютно непроходимыми. Эти земли взрастили существ, которые в своей свирепости были куда опаснее монстров из касаритовых рек. Ослепительные красавицы с пастью, пол-

ной острейших зубов, прямо во время боя легко меняли облик, превращая тонкие руки в длинные когтистые лапы. Они заживо могли рвать плоть врагов, насылая кошмарные, сводящие с ума видения на всякого несчастного, встретившегося им на пути и осмелившегося посмотреть в золотые глаза.

Женщина, что заменила ей мать, была родом именно оттуда. Древняя, как само мироздание, она растила Асгетт вместе с названной сестрой, Сабари.

Прекрасные творения Иблиса, с длинными, ослепительно белоснежными волосами, мать и дочь - как и всякая из Катрата - обладали тем совершенством, которое могло затмить любую чужеземную красавицу. А если не затмить, то попросту сожрать. В еде эти лесные создания привередливостью не отличались.

Дорогая матушка стала учить принцессу взывать к дару Великого Древа с того самого дня, как девочка уверенно встала на ноги. Дитя ещё не говорило, но уже училось охотиться и красться бесшумно, словно дикая кошка. Почти полное отсутствие брезгливости было закономерным итогом их совместной жизни.

Во главе одного их легионов, преследовавших чужаков в Вольных землях, стоял Дарий. Княжеский сын, наследник плодородных равнин, где носились беспощадные ветра и вольные кони.

Первая сталь Просторов был красив. Он обладал той редкой, безупречной мужской красотой, которая внушала союзникам благоговение. Высокий, статный, с идеальной осанкой рожденного в седле всадника, он нес себя с врождённым достоинством.

Доспехи, сковывающие движения он не любил, предпочитая им свободные, глубокого черного цвета одежды из благородных тканей и тяжелый летящий плащ на одном плече, скрепленный круглой серебряной брошью. Его длинные, черные, ухоженные волосы шелковым полотном рассыпались по плечам, обрамляя точеное, словно высеченное искусным скульптором лицо. В глазах чистого зелёного цвета сквозило величие.

Но за этой обманчивой, изысканной утонченностью скрывался превосходный воин, получивший безупречное воспитание.

тание. Он сражался длинным, идеально сбалансированным копьем, лезвие которого пело в его руках, выкашивая ряды противников на дистанции, недостижимой для их мечей. В его движениях не было хаоса или грязной ярости - каждый выпад, каждый разворот оружия казался выверенным, благородным, почти церемониальным жестом.

Его магия полностью подчинялась этой безупречной дисциплине: удушливый зеленый смог, который он призывал по щелчку пальцев, расстилался по земле идеальным, плотным ковром. Эта ядовитая дымка мгновенно заволакивала поля, забивая легкие всего живого, заживо выжигая изнутри. Но в этой войне воинами Венца подобная сила не требовалась, они и так сокрушали противников сталью.

Молодой наследник, всего-то четыреста лет от роду, был одним из самых близких наставников девочки. Именно от него, замороженно наблюдая за изящными тренировками, Асгетт впитала эту фанатичную любовь к длинным копьям. А теперь этот безупречный элитный всадник оказывал принцессе явные, вполне недвусмысленные знаки внимания. Асгетт при виде его благородных жестов лишь закатывала глаза, едва сдерживая ироничную улыбку.

Сидя в парадном зале дворца Ца'трии в тяжелом резном кресле, она лениво слушала доклады о грядущем Великом

совете. Царица действительно как в воду глядела.

Слева от Асгетт восседал Дарий, как всегда безупречный, холодный и собранный в своих темных одеждах. А прямо по центру, вальяжно и тяжело откинувшись на спинку центрального трона, расположился её отец.

Вхар - царь Цэссы, дышал неподъемным, царственным зноем. В его облике не было ни капли утонченного аристократизма Дария - только давящая, сытая роскошь самого богатого южного дома. Одевание царя, состоящее из свободных бежевых тканей, было распахнуто на груди, открывая мощный смуглый торс. Длинные каштановые волосы ложились на плечи тяжелыми волнами. Божественно красив. Не удивительно что её мать когда-то ослушалась бабуку, и завладела этим демоном.

Вхар любил золото и носил его с вызывающим, варварским извращением: бесчисленные тонкие цепи путались у него на груди, запястья закрывали массивные резные наручи, а пальцы с чёрными, острыми когтями были сплошь усыпаны перстнями. Лениво смотрели глаза, залитые раскалённой медью. У них с Асгетт был одинаково хитрый разрез глаз, да и нрав во многом совпадал. Вот только характер у Владыки Цэссы был совершенно несносным.

- Где твоя бабка? - возмутился он, и его глубокий, вибри-

рующий голос эхом разнесся под высокими сводами залы.

- Не бабка, а Асеки Иблис бен Касарит, - не поворачивая головы, ровным тоном поправила Асгетт, лениво рассматривая свои ногти.

- Я так и сказал, - Царь раздраженно качнул головой, отчего золотые серьги в его ушах негромко звякнули.

На самом деле он уважал божественную суть царицы. Но у него был другой бог. Вхар буквально был его порождением, сыном чистого, первобытного огня - беспощадного, карающего пламени пустыни. И потому ему изначально было свойственно это пренебрежение к чужим авторитетам.

В этот момент тяжелые двери залы бесшумно разошлись, и в помещение плавно всплыла царица Висса в своем традиционном белоснежном платье и красном плаще. Подол её плаща, черный, как корни, мягко скользнул по мрамору.

- Хвала великому Иблису, явилась! - шумно выдохнул Вхар. - Я тут почти закончился, пока ждал тебя.

- Когда ж тот день придёт, когда ты закончишься, - холодно и иронично отозвалась царица, даже не замедляя своего шага. - Одно меня искренне радует в твоём здесь нахожде-

нии - это собрание закончится быстро. А не как обычно, на рассвете второго дня.

Висса остановилась у подножия тронов и окинула царя Вхара золотым взглядом:

- В одном помещении с тобой больше двух часов может провести только самый сильный духом. И это, заметь, если ты вообще рот открывать не станешь.

Вхар лишь оскалился в ответ, сверкнув идеальными длинными клыками, и подался вперед:

- Сильна ли ты духом, старуха?

- О, помилуй. Я и часа не выдержу. - парировала царица, и на её губах заиграла тонкая ухмылка. - Нервы с возрастом не к черту. Не мне тебе рассказывать.

- С вашими ебучими собраниями... Думал, приду позже, как раз закончите, а вы даже не начали.

Массивный, седовласый великан Ликой вошел в залу тяжелой, грохочущей по мрамору поступью, явно пребывая в скверном расположении духа. Его начищенные до блеска доспехи тускло поблескивали, а аккуратная серебряная боро-

да сердито топорщилась. Следом за ним, бесшумно и грациозно скользя в тени отца, шла Митэя, двоюродная кузина Асгетт. Единственная дочь Князя Илеи, одетая в струящееся, легкое серое платье. Глаза княжны были пронзительного, кристально-голубого цвета с золотой обводкой, а локоны были заплетены точно золотая корона. Серебряный медальон на тонкой шее мерцал в такт ее дыханию, выдавая скрытую внутри магическую искру, способную превратить любого в вечный лёд.

Ликой окинул взглядом присутствующих, остановил взор на наставнике Асгетт и осклабился.

- Дарий, дорогой! Как хорош, а, Владыка? - громогласно обратился названный дядя к её отцу.

- Хорош, - лениво подтвердил Вхар, перебирая кольца на смуглых пальцах

- Да-а-арий... Ух, красавец, - протянул Ликой, вальяжно подходя ближе. - Так ты мне уже нравишься, ни дать ни взять. Сколько душ забрал у горного хребта?

- Я не считал, Князь, - ровным, бархатным голосом отозвался Дарий, даже не шелохнувшись под этим давящим авторитетом. Его зеленые глаза оставались совершенно спо-

койными.

- Привратница! - рявкнул Ликой, оборачиваясь к затененному углу залы.

Из тени бесшумно выступила Служительница Иблиса. Окутанная в ритуальные золотые одежды, она сверкнула скрытым взором и безэмоционально, холодно отчеканила:

- Восемьсот двадцать три. Но должен был забрать больше.

- Ну ты посмотри на него. Жеребец! - Князь Илеи восхищенно хлопнул себя ладонями по окованным сталью бедрам. - Ещё и скромный! Не хотел на фоне других бахвалиться. Ты ж мой сладенький.

Дарий приглушенно, устало вздохнул, слегка качнув головой, отчего длинные шелковистые пряди его темных волос скользнули по плечам.

- Князь, я начинаю тебя бояться, - невозмутимо заметил он, хотя в его тоне прорезалась тонкая ирония. - Мне уже в моменты уединения твой оскал из кустов мерещится.

Ликой громогласно рассмеялся, и этот треск ломающихся костей в его голосе заставил задрожать золотые подвески в

ушах Царя Цэссы.

- Кстати говоря, этот племенной красавец отказался от... от скольких девиц он отказался?

- От семидесяти шети, - бесстрастно отозвался ровный голос Привратницы из-под капюшона.

- От семидесяти шести! - взревел Ликой. - Там такие кобылы породистые были, что только поводья держи да ноги свесь, сами куда нужно поскачут. А этот всё на дикую и необъезженную смотрит, вместо того чтобы ей в рот... удила вставить. Семьдесят шесть!

Асгетт, сидевшая в своем кресле, медленно прикусила изнутри губу, пряча ядовитую ухмылку. Она прекрасно понимала, в чей огород сейчас был брошен этот камень. Митэя, стоявшая чуть поодаль, лишь едва заметно хмыкнула, скрестив руки на груди и наблюдая за отцовским спектаклем.

- О, прошу, не обращайтесь на меня внимания, - Дарий тихо и обреченно прикрыл ладонью глаза, понимая, что Князя уже не остановить.

- Умён, высок, красив. Воспитан! Слышали такое слово? - Ликой зашагал по залу, активно жестикулируя тяжелыми

руками. - Чистейшая, кипящая древняя кровь, но при этом спокоен, умеет укрощать свой нрав. И горяч, если нужно укротить чужой! Один из лучших воинов, что наравне сражался с лучшими и учился у лучших. Хоть и силён как тот... этот самый, при этом не-е-жен. Или что там вам, девкам, ещё нужно? Да будь я девицей, я бы прям тут ему отдался, такой он уже хорошенький!

- А как же любо-о-овь? - со смешком протянула Митэя, вальяжно оттолкнувшись от колонны. Она прекрасно знала о холодном равнодушии своей младшей кузины ко всем этим ухаживаниям и намеренно пыталась увести опасный разговор в другое, шутовское русло.

- Любовь? - Ликой резко остановился, и его седая борода воинственно дернулась. - Что от твоей любви останется, когда ты будешь детей рожать своему ободранцу, или кого ты там мне присунешь? Наследников, что на него как отражение водной глади похожи будут. Ждать будешь его в постели, пока он под звёздным небом других трахает и сказки им о любви рассказывает. Те сказки, что он до этого рассказывал тебе. Тут сказочников по молодости - воз и телега, и нихрена не маленькая. Один лучше другого, хоть басни пиши. На ходу выдумывали, да так складно, что сами Боги верили.

Князь весомо припечатал ладонью по рукояти своего ору-

жия:

- Клятва! Вот это уже совсем другой разговор. А похоть сказочника, что так любит дарить мимолётное в обёртке любви, покинет его уже к утру. Так что же у тебя останется в итоге? Пыль.

- А если у него член не такой? - задорно поинтересовала Асгетт, издевательски вскинув бровь и косясь на стремительно бледнеющего от безупречного воспитания Дария.

- Какой не такой? - искренне возмутился Ликой, округлив свои глаза. - Великая мать, да он у всех одинаковый! Или думаешь, где-то есть волшебный?

Вхар на своем троне не выдержал и громогласно, раскати-сто расхохотался, отчего тяжелые золотые цепи на его смуглой груди заходили ходуном. Асгетт же стиснула зубы, изо всех сил стараясь сохранить царственное выражение лица, хотя внутри неё так же клокотал дикий смех:

- Ну, может, там не дуб вековой, а прутик ивы? - не уни-малась она. - Как же таким наследников делать, коль так?

- Вы ведь все так скачете этих наследников делать, что аж волосы назад! - гроыхнул Ликой, всплеснув руками. - Хрен

догонишь, хрен найдёшь. Сук примотает. А если уж КТО-ТО снизойдёт до продолжения рода... ну-у-у... как-то намолим мы уже тех наследников. Вот все соберёмся и намолим!

Князь сделал весомую паузу, картинно оглядев притихшую залу:

- Если бы я сейчас говорил как отец сына, соверши мой отрок подобные деяния, я бы сказал, что он... ИДИОТ! Но как отец дочери, я говорю, что надо брать! Потому что ТАКОГО идиота мы больше нигде не найдём.

- Прямо сейчас брать? - ядовито поинтересовалась Асгетт, лениво переведя на него свои медные глаза.

- Прямо тут! Кстати о кустах. Всё у него там прекрасно. Я проверил. Так что можешь не переживать. Что смотришь? Для тебя старался, всю задницу ободрал, пока по репейнику ползал, - Ликой утробно рассмеялся, подмигнув наследнице Венца. - Вот такой. Жеребец!

- Вот такой, - внезапно подала голос царица Висса, выходя на середину залы и совершенно бесстрастно разводя ладони, показывая пальцами явно больший размер. - Что смотришь, зять? Мы в тех кустах, в которые ты меня за шиворот тащил по тому самому репейнику, вместе сидели. Пить меньше на-

до.

В главном зале Ца'трии на секунду повисла оглушительная, гробовая тишина. Вхар даже рот приоткрыл от такого откровения, а Ликой ошарашенно переводил взгляд с ухмыляющейся Виссы на замершего Дария.

- В упор не помню... - наконец пробормотал седовласый титан, растерянно почесав серебряную бороду - А ну-ка...

Князь Илеи шумно подался вперед, буквально наступая на бедного наследника, намереваясь залезть ему в штаны.

- Стоять, - холодно и отчетливо отрезал Дарий. Он наконец поднял голову, осадив наступающего на него одним лишь царственным жестом руки. В его голосе не было паники - только стальная выдержка Первой стали Просторов, привыкшего командовать легионами. Ликой на секунду замер от такой дисциплины.

- Тишина, - звучным, не терпящим возражений голосом оборвала балаган Царица. Она плавно опустилась во главе массивного стола, и её белоснежные одежды величественно расправились.

Она окинула присутствующих пронизательным взглядом,

задерживаясь на каждом чуть дольше положенного.

- Великий Совет начнётся через два дня. Принцесса, сегодня ты отправишься в Храм Мира. Кому-то из нашего дома необходимо присутствовать на их вечерней молитве. Так как я на дух не переношу эти унылые песнопения, подобное сомнительное развлечение отныне часто будет входить в твои прямые обязанности.

Асгетт с таким чувством закатила глаза, что ей пришлось приложить немалое усилие, чтобы вернуть их на положенное место. Она даже чуть откинулась на спинку кресла, будто сама мысль о Храме Мира физически её утомила.

- Не делай такое лицо, - Висса усмехнулась. - Оно у тебя всё равно недостаточно трагичное для мученицы.

Асгетт промолчала. Только медный взгляд её на миг стал острее, словно под тонкой кожей терпения уже проступило лезвие.

- Знаю, знаю, ты всю жизнь именно этого и желала, - царица хитро улыбнулась, обнажив острые кончики клыков. - Стоять среди служительниц, слушать, как храмовые певчие тянут одну и ту же ноту до тех пор, пока душа не начнёт сама искать выход из тела... Мечта, а не вечер. Заодно погуля-

ешь, развеешься. На отпрысков великих домов поглядишь, со спины. Вдруг приглянется чей-то...

- Не начинай... - глухо и уныло прервал Вхар и устало потер переносицу.

Разговоры о мужчинах, коих с завидным упрямством совали его дочери чуть ли не силой, начинали царя откровенно утомлять. Ему искренне нравился благородный Дарий. Более того, он лично тренировал жеребчика. Но при этом его вполне устраивала отрешённость дочери к противоположному полу. Успеет ещё девка влезть во все эти узы по самую шею.

Сама же Висса, которая в последнее время втайне начала подозревать свою драгоценную кровь в любви к девицам, после слов царя Цэссы решила благоразумно и очень красноречиво промолчать. Она лишь сделала крошечный глоток из своего кубка.

«Кровь густеет и требует новой», - отрешённо подумала царица, глядя на зятя. Трагическим и жестоким доказательством этой истины послужила судьба матери Асгетт - Башши, чья жизнь оборвалась при родах. Это стало невиданным, оглушительным горем для их рода. Башши с самого начала знала, чем всё закончится. Два огненных рода, разница меж-

ду которыми крылась лишь в ярости их пламени. Две древние силы, что сплелись воедино - и этим неистовым жаром дотла выжгли жизнь из той, что взрастила их общий плод. Дар провидения ясно показал ей грядущую смерть, но она всё равно зачала это дитя, упрямо пойдя наперекор воле самой Виссы.

Царица понимала: раз её дочь осознанно пошла на такую жертву, значит, так было предрешено самим Древом. Иблис никогда не дарил подобную силу просто так. Это было одновременно величайшим благословением и страшным проклятием.

Проклятием стала безвременная потеря обожаемого дитя. Даром - рождение внучки. Воистину, за всю историю в этих землях ещё не пробуждалось такой силы. Такова была непомерная цена её появления. Дети и так даровались потомкам Иблиса в муках. И чем дольше девицы противились продолжению рода, продолжая ждать столетиями лучшей табуретки, что-бы поудобней присесть - тем более кровавую дань они после платили за потомство. Царица больше не собиралась платить эту цену, и уж тем более не желала подобной участи для своей любимицы.

Она была уверена, что красивее этой девицы мир ещё не видывал. Но принцесса доводила до раздражения, до жела-

ния схватить её за плечи и развернуть к зеркалу: смотри же, дуручка, какое оружие тебе выдали боги.

Но юное дарование, разумеется, гнушалась собственной красоты. Её взгляд скользил сквозь шелка, ленты, парадные украшения и чужие восторги - она выискивала любые намёки на очередную беду, в которую можно было влезть с головой. Митэя же, её старшая внучка, в этом плане была куда умнее.

Она прекрасно знала цену своей внешности. Знала, как чуть склонить голову, чтобы серьги поймали свет. Как улыбнуться не слишком широко, но достаточно, чтобы молодой воин забыл, зачем пришёл. Как позволить ресницам опуститься на миг дольше положенного, как говорить тихо - так, чтобы мужчины сами наклонялись ближе и потом считали это собственной идеей.

Красота, по мнению Митэи, была не даром. Дар - это то, что можно растратить по глупости. Красота была инструментом. Монетой, которую принимали в любом зале, у любых ворот и почти в любой постели. И если уж судьба вручила тебе такое прекрасное личико, следовало пользоваться им как подобает.

Она бросила последний взгляд на внучку, поправила

складку на рукаве и улыбнулась - мягко, почти по-матерински.

- Я всё подготовила, ступай. Взрослые ещё немного поговорят о делах.

Глава 4

Пространственные переходы Хранителей Храма Мира работали безупречно. Без вспышек, без грохота, без торжественных завихрений воздуха, которыми так любили хвастаться маги помельче. Они просто размыкали саму ткань мироздания - тонко, аккуратно, почти вежливо, словно отодвигали перед гостем тяжёлую занавесь. Секунду назад над головой шумела раскидистая крона Великого Древа, а в следующее мгновение в лицо уже дохнуло вековой прохладой Храма Мира.

Холод здесь был особенный. Не зимний и не подземный - храмовый. Настоянный на камне, благовониях, старом золоте и тысячах молитв, которые веками впитывались в стены.

Асгетт невольно задержала дыхание.

Перед ней раскрывался главный зал священных чертогов: высокий, строгий. Колонны уходили вверх так далеко, что терялись в сумрачной голубизне сводов. Между ними висели длинные полотнища с вышитыми символами древних богов - неяркие, выцветшие от времени, но оттого лишь более весомые. Под ногами тянулся пол, испещрённый тонкими прожилками серебра; в этих линиях угадывались то корни, то

реки, то трещины на старой карте мира.

Другим властителям, чтобы попасть на Великий Совет, приходилось проделывать путь куда менее изящный. Они стягивали войска к границам, выслушивали оскорбительно вежливые расспросы на контрольных рубежах, исходили желчью перед закрытыми заставами и, сжав зубы, ждали высочайшего позволения Хранителей на активацию сложной системы переходов. Их послы мерзли в пограничных павильонах, их маги спорили с храмовыми писцами о печатях и допусках, их воины бряцали оружием ровно до тех пор, пока не вспоминали, что на землях Храма даже цари обязаны говорить тише.

Но для Венца из Пяти Ветвей эти законы не писались.

Венец не просил дороги - ему её открывали. Не потому, что боялись. Во всяком случае, не только поэтому. Отношения между дочерьми Иблиса и Хранителями Храма издавна были тёплыми, почти родственными; настолько древними, что никто уже не помнил, где в них заканчивалась дипломатия и начиналась кровь или клятва. Их связывали старые войны, забытые договоры и имена богов, которые в разных землях произносили по-разному, но всё равно узнавали с первого звука.

Как и всякая носящая сан Асеки Иблис бен Касарит, Асгетт уже посещала эти священные чертоги раньше. В детстве - чтобы склонить голову там, где требовал обычай. Позже - чтобы проявить должное уважение к древним богам храма, которые, если говорить прямо, были её богами. Тут они были не главными. Не первыми. Не теми, чьи имена произносили в доме перед рождением, смертью и войной. Тут её боги были лишь тенью. Но всё же достаточно почитаемыми, чтобы не отворачиваться от их алтарей.

Древо Иблис - божество жизни и душ, что однажды расцветут вновь. Его ветви держали над миром золотой свод, его огнево текло в крови потомков, его цветы раскрывались там, где душа была готова вернуться. Не той же самой - нет, такие глупости оставляли храмовым утешителям, - но очищенной, перемолотой временем, обретшей новый корень, новое имя, новую плоть.

А под Древом, в темноте, куда не доставал ни солнечный свет, ни милосердие молитв, уходили корни Касарита.

Касарит был богом смерти - не величественным. Его ядовитые корни держали тех, кто уже никогда не возродится: души предателей, душегубов, клятвопреступников и тех несчастных, чья сущность истончилась настолько, что новый цветок из неё уже не мог подняться. Там, в чёрной глубине,

смерть не карала и не прощала. Она просто удерживала.

И в этом, пожалуй, заключалась вся суть веры Иблис бен Касарит: жизнь не отрицала смерть, а смерть не враждовала с жизнью. Дерево тянулось вверх только потому, что корни уходили вниз. Цветение было возможно лишь потому, что под ним лежала тьма, принимающая всё, чему больше нельзя возвращаться.

Хранители же, как и вся Трита, молились сёстрам-богиням - Ведающей и Карающей. Одной, что знала сокровитное и помнила забытое. Другой, что приходила следом, когда знание уже не могло спасти. Они верили истово и без тени сомнения: в их жилах течёт кровь этих богинь, и сами они - прямые их потомки.

В храме их имена произносили с благоговением. В Трите - с голодной, фанатичной преданностью. Но истина лежала гораздо глубже: сёстры не стояли над Древом и не были богинями в том смысле, в каком их привыкли величать. Они сами были детьми Древа - его порождением, его волей, его кровью.

Вернее сказать - дочери Иблиса и были ими.

Не избранницами. Не отражениями божественной воли. А

её живым продолжением - плотью от плоти Древа, памятью его и судом его.

Хранители же, как и все иные, обитавшие за пределами пустошей, были травой, взошедшей на почве, вскормленной под тенью Иблиса. Увы - большая часть этой травы давно обратилась сорной: растущей вдали, жадной до света, но утратившей память о корне. Народы Венца, напротив, были ветвями и листьями, густо усеявшими его могучую крону.

И даже если великое древо однажды начнёт умирать, гниющие листья без остатка отдадут свою силу ветвям, а ветви - исполинскому стволу. Но если и он обратится в труху, в самой глубине, под надежной защитой древних корней, уцелеет один крошечный росток. И даже на мертвой, выжженной дотла земле он когда-нибудь обязательно взойдет вновь.

У каждого своё место.

И потому, входя под своды храма Мира, Асгетт всегда склоняла голову безупречно низко. Почти достаточно, чтобы скрыть усмешку.

Здесь молились её богам.

И, в некотором смысле, ей самой.

И всё же каждый раз, ступая под своды храма Мира, она чувствовала одно и то же: раздражающее, почти детское желание выпрямиться, поправить рукава и не дышать слишком громко.

Эти стены умели напоминать даже самым гордым, что до них здесь уже молились, предавали, клялись и прощали. И будут делать это ещё долго после того, как очередной Великий Совет превратится в пару сухих строк в храмовой летописи.

После невыносимо бесконечной молитвы, что закончилась лишь на рассвете, Хранители лично провели принцессу через тайные узлы, минуя общие залы, галереи и прочие места, где высокородным гостям полагалось чинно сталкиваться друг с другом под присмотром десятка лишних глаз. Её разместили в самых роскошных покоях храмового комплекса - скрытых от посторонних, утопающих в прохладе белого камня, шёлке, золоте и благовонном полумраке.

До официального начала Совета оставался один день и девица могла бы наслаждаться всеми благами храма Мира в абсолютном уединении.

Если бы, конечно, не один наглый спутник.

Божество увязался за ней вопреки всем правилам приличия, здравого смысла и, вероятно, сразу несколькими священным запретам. Он счёл забавным прийти в храм, где молились ему и его детям, - и теперь развлекался тем, что с видом оскорблённого гостя находил недостатки буквально во всём.

- Вино разбавлено, мясо пережарено, а от ароматических

масел в этих чашах у меня разовьётся чесотка, - пожаловался он, лениво ковыряя когтем дорогую резьбу на стене. - В касаритовых реках грязь и то была душевнее.

Асгетт скользнула взглядом по блюдам.

Насчёт мяса она была полностью согласна. Она предпочитала, чтобы оно ещё немного бегало по тарелке - или хотя бы убедительно делало вид, что недавно могло. Эту пересушенную подошву есть было попросту невозможно.

Благо, еда им требовалась не так уж часто.

Бог тем временем поддел когтем крошечный завиток резьбы, отколол его с тихим хрустом и задумчиво рассмотрел.

- И кто это делал? - спросил он с искренним отвращением. - У мастера были руки или храмовые обеты запрещают пользоваться пальцами?

- Потерпи. Скоро придут имперцы. Выберешь себе кого-нибудь пожирнее и успокоишься, - Асгетт, стоявшая перед огромной кроватью, устало вздохнула.

Перед ней, на бархатной подставке, уже покоилась риту-

альная маска - тяжёлая, глухая, полностью скрывающая лицо. Тёмный металл почти не отражал света, лишь тускло ловил дрожание свечей по краям. Узкие прорезы для глаз казались слишком строгими, а внутренняя сторона пахла старой кожей.

Древний, нерушимый закон храма Мира был прост: до официального объявления Великого Совета, все без исключения правители и их князья, наследники и свита обязаны были носить закрытые одеяния и маски. Никаких лиц, гербов, родовых цветов, узнаваемых украшений. Никто не имел права знать, кто именно проходит мимо него по коридорам дворца, молится в соседней нише или стоит за спиной у окна.

Лишь во время ритуала всё становилось явным. Маски клали на длинный стол в середине зала, одну за другой, и только тогда Властители называли свои имена, земли и регалии. До этого мгновения в храме существовали не личности, а тени будущих переговоров - равные, безликие и, как надеялись Хранители, достаточно сдержанные, чтобы не вцепиться друг другу в горло раньше времени.

Служители говорили, что этот обычай учил смирению.

Асгетт же полагала, что причина была куда проще: так храм избегал кровной мести, случайных дуэлей и драк ещё

до того, как властители успевали сесть за стол переговоров. Под маской можно было пройти плечом к плечу с врагом своего дома - и узнать об этом лишь тогда, когда убивать его становилось уже крайне невежливо.

Времени в запасе оставалось достаточно, и она решила посетить купальни в полном уединении. Ей жизненно необходимо было охладиться: едва она увидела, какие именно вещи царица велела собрать ей в дорогу, по телу тут же разлилось злое, обжигающее огнево.

Принцесса всерьёз обдумывала возможность ходить вовсе без одежды. В этом, по крайней мере, было бы больше честности, потому что от присланных тряпок не было ровным счётом никакого толка.

Одеяния, бережно уложенные в дорожные сундуки, были сотканы из тончайшей, невесомой и пугающе прозрачной белой ткани. На первый взгляд - храмовая скромность, чистота, благочестие. На второй - издевательство, достойное царицы.

Свободные рукава, струящиеся юбки, умопомрачительно глубокие вырезы и неприлично высокие боковые разрезы, оголяющие бёдра при каждом шаге, - эти платья почти ничего не скрывали. Ткань льнула к телу от малейшего движе-

ния, подчёркивала изгибы, ловила свет и становилась ещё прозрачнее там, где приличие требовало хотя бы капли милосердия.

Асгетт мрачно посмотрела на одно из платьев, зажатое в пальцах. Если закон храма Мира требовал закрытых одеяний, то царица, очевидно, решила истолковать это требование как можно более творчески. Формально ткань присутствовала. Практической пользы от неё не было никакой.

Она слишком хорошо разгадала затею. Коварная бабка, признававшая только собственные законы, явно рассчитывала, что в таком виде её внучка станет главным развлечением дальних коридоров храма: если её не пустят там по кругу, то точно будут провожать взглядами и мысленно раздевать, хотя царица и без того почти избавила всех от лишней работы.

Благо, одна из служительниц, Вита'е Арбрис, сжалилась и даровала несчастной собственный ритуальный плащ с капюшоном - плотный, грубый, грязно-соломенного цвета. Из всего этого безобразия он был единственной вещью, которую Асгетт готова была признать пригодной для жизни.

Платья же она продолжала перебирать с таким выражением лица, будто царица прислала ей не дорожные одеяния, а личное оскорбление, заботливо сложенное в сундуки.

- Поганая бабка! - яростно прошипела Асгетт, отбрасывая в сторону очередную тонкую тряпку.

Белая ткань невинно вспорхнула в воздухе, скользнула по краю ложа и осела на пол почти прозрачным облаком.

- Не «поганая бабка», а Асеки... - начал Бог Касарит, развалившийся на диване с видом существа, которому чужой гнев заменял хорошее вино.

Он улыбался во весь рот - широко, хищно и совершенно счастливо.

- Я так и сказала, - отрезала девица, даже не повернувшись.

Она ещё несколько мгновений смотрела на содержимое сундука, будто пыталась взглядом поджечь эти жалкие лоскуты вместе с замыслом бабки, а затем резко перевела глаза на божество.

- Ты можешь её сожрать?

Божество заинтересованно приподняло голову.

- Могу. Костлявая правда... Но если очень сильно желаешь...

- Желаю.

Схватив ритуальную маску и накинув на голое тело шелковый халат, который просвечивал на свету как решето и разумеется, был белым, Асгетт взглянула в зеркало. Свободная, струящаяся ткань белым туманом легла на ее плечи, глубокий вырез едва прикрывал грудь, а украшения на сосках проступали под тканью так отчётливо, будто царица лично позаботилась и об этой мелочи. Плащ не спасал положение, потому что полы халата при каждом шаге издевательски скользили по бедрам, заставляя рычать наследницу от досады.

Служительницы храма, Вита'е Арбрис, навязались проводить девушку до самых дверей и настойчиво, с приторными улыбками, предлагали посетить ещё и сегодняшнюю вечернюю молитву. Асгетт отнекивалась всеми правдами и неправдами. Наконец отвязавшись от настырных провожатых, она с облегчением выдохнула, твёрдо решив, что просидит в воде до тех пор, пока не покроется чешуёй или не превратится в жабу - лишь бы её больше никто не трогал.

Купальни храма Мира встретили наследницу Венца бла-

гословенной прохладой. Огромные чаши из белоснежного мрамора были до краев наполнены чистейшей водой, над которой поднимался едва заметный, прохладный пар, пахнувший диким лотосом и мятой. Она с тихим стуком опустила маску на бортик, сбросила плащ и ненавистное просвечивающее одеяние и плавно скользнула в воду. Холод сомкнулся вокруг тела мягко и властно, забираясь под кожу, остужая злое огнево в крови. Запрокинув голову она закрыла глаза и почувствовала, как отступает раздражение, уступая место покою.

Стемнело. Кажется, прошла целая вечность, когда девица решила наконец вылезти - или, скорее, не очень грациозно выползти - из прохладной мраморной чаши. Освежающий, резкий запах мяты намертво впитался в её карамельно-золотую кожу и мокрые серебряные волосы. Коротко выжав тяжелые пряди, Асгетт накинута прямо на влажное тело длинный халат, завязав его небрежным узлом на талии и потянувшись за маской замерла, когда прямо за её спиной неожиданно раздался тихий голос.

- Здравствуй, дитя.

Она резко обернулась.

«Это всё потому, что ты мало молишься, бесстыдница», - ехидно пропел внутренний голос. Он прозрачно намекал, что отбить колени на нудной ночной молитве сейчас было бы настоящим спасением, а не наказанием.

Высокая фигура в серой мантии стояла и преграждала дверь.

- Что за юное, прекрасное создание? Интересно, чья же это кровь?

- Лиха лесного, - нагло отрезала Асгетт.

Ей сейчас хотелось бежать, как перепуганной горной козе, оставляя за собой характерный след, но гордость и остатки здравого смысла удержали её на месте.

Ну конечно. Тени Первозданных, Раа'сиРа'ми.

Кто же ещё.

Асгетт никогда раньше не видела их воочию. Эти святые признавали только собственные храмы и обычно по чужим обителям не шлялись. Зато наслышана она была достаточно. О белоснежной как мел, коже, словно каждая из них вылеплена из воска; полупрозрачные, выцветшие зрачки, в которых будто остыл любой огонь желания; голоса - хрупкие, шуршащие, напоминающие сухой шёлк, скользящий по столетней бумаге. И главное - они умели смотреть на свежую кровь так, будто в тёмной влаге уже читали выписанный судом приговор: сколько осталось ударов сердца, сколько вдохов, на какую чашу склонится чья-то жизнь.

Пиявки.

У неё на них будто имелась врождённая непереносимость. Она чуть склонила голову, изображая почтение настолько оскорбительно, насколько могла.

- Неужто это сами Раа'си Ра'ми? Те, что по собственной воле пришли в это место греха, а нерушимой верой своей до краев наполнили эту недостойную обитель? Чем же заслу-

жено подобное благословение? Что вы вообще тут делаете? Заблудились?

- Великий совет обязывает присутствовать всех, - раздался сухой, скрипучий голос другой женщины, явно старше первой.

Она медленно, с величавой неторопливостью выступила не пойми откуда, будто сама тень арки сгустилась и обрела плоть. Её мантия была чёрной.

- Чудо, не иначе, - издевательски протянула Асгетт и всплеснула руками, ничуть не заботясь о том, что халат при этом опасно съехал с плеча и едва не позволил её груди лично поприветствовать святых. - Когда ж это вы начали беспрекословно следовать чужим догматам? Нужно немедленно вписать это великое событие в золотые трактаты. Помнится, у Вита'е Арбрис целых четыре свободных часа в сутках. К чему им праздный сон? Теперь они могут с пользой потратить это время на молитву, восхваляя этот, поистине, знаменательный день. Приветствую вас. Искренне надеюсь, что тут вы получите достаточно удовольствия.

- Каков нрав, - голос старшей, чёрной тени проникал в самые потаенные уголки купален. - Неудивительно, ведь невиданный прежде союз древней крови, словно боевой клич, те-

чёт в этих жилах. Великие дома так любят бахвалиться своей родословной, но по сравнению с этим густым вином их кровь - лишь подкрашенная, разбавленная вода.

Она медленно принялась к замершему воздуху:

- М-мм, кисло-сладкий яд со звериной хищностью, упрямство могучих ветров и, полагаю, сами Богини, что крепко вплели свои хитрые нити в это наследство? Очень опасная смесь. Но эта кровь - лишь капли, что легли узором гравировок на лезвии. Сам же клинок выкован совсем из иного материала. Основа в красоте и тонком стане - что всякого заставит этот клинок возжелать. Уверена, даже камни, что веками неподвижны и безразличны, при виде вас начинают двигаться навстречу.

Женщина сделала плавный шаг, её черный подол зашуршал по мрамору. Она улыбнулась, едва заметно - не губами, а голосом.

- Основа в своенравии и мятежном характере, что всякого заставит захотеть этот клинок подчинить. Да только найдётся ли такой могучий воин? А на дне этих насмешливых, бездонных глаз, что словно омут затягивают, неоспоримым правом повелевать всем, на что упадёт взгляд, таится само дикое огнево, что есть сердцевина. И горит то пламя не ма-

леньким костром, а неукротимым лесным пожаром. Так юна. Прекрасна настолько, что едва вспомнишь и одну, что хоть едва бы сравнилась с ней. Не связана узами брачной клятвы. Чиста. Сокровище, что снаружи, что внутри. То ли прятать вас нужно получше, чтобы идиоты не соблазнялись, то ли всем показывать, чтобы завидовали.

Она наконец склонила голову - медленно, с пугающе безупречной учтивостью.

- Приветствуем. Для нас честь.

На губах принцессы расцвела острая улыбка.

- А вы проницательнее, чем кажется на первый взгляд, - протянула она, окинув чёрную фигуру медным взглядом. - Неужто в ваших краях ещё осталась истинная сталь, а не только тупое, негодное железо

Старшая Раа'си Ра'ми в чёрной мантии тихо усмехнулась. В этом звуке не было обиды - лишь признание удара:

- Как ни прискорбно это признавать, очень мало. Оттого она и столь ценна. Но смею заметить, ваш кузнец куёт непревзойденно, да ещё и наверняка каждый раз превосходит сам себя.

- Чтобы стать по-настоящему хорошим клинком, наша сталь сама выбирает мастера, что приложится к ней, - ответила Асгетт.

- Сталь воистину превосходна, и не наглядеться, сколько ни любуйся, - продолжала тень в чёрном одеянии - Сталь, что не принимает удары, а наносит их первой. Живая. Сталь, что никогда не заставит в ней усомниться. Как, впрочем, недурна и наша сталь, что не боится ни огня, ни сколов, ни сокрушительных ударов. Та самая, первозданная сталь, которую всё ещё можно отыскать среди дрянных клинков.

Девушка начала в ускоренном порядке воскрешать в памяти все уроки тётки по словесному фехтованию:

- Ваши клинки - это множественность тел при единстве идеи, лишенной творца. Ибо вложена в это оружие лишь одна, пусть и прочная, но бездушная сталь. Словно отражение одного в бесконечности многих, они не имеют ни изящества формы, ни удобства рукояти. Какой клинок ни возьми, он заставит плечо ныть от непослушания, а твердая рукоять оставит лишь кровавые мозоли. Так к чему же девичьей ладони оружие, что не принесёт удовольствия?

В повисшей тишине шорох ткани прозвучал неожиданно

резко.

- Девичья ладонь попросту ещё не знала столь грубой силы, - женщина в сером, что до этого безмолвно стояла у двери, начала медленно подходить ближе. - Ей неизвестно, как привыкнуть к тяжести такой стали, ибо это придёт лишь с опытом. А отсутствие драгоценных камней и мягкой кожи на рукояти просто не радует взор, что наверняка привык к «изысканной» красоте.

Медленно, выдерживая дистанцию, Асгетт стала обходить массивную мраморную чашу по кругу. Её тихие шаги эхом отражались от каменных стен, пока она старалась оказаться как можно дальше от двух неотступных святых. Девушка искоса поглядывала на воду в купели, подумывая о том, чтобы попросту в ней утопиться - лишь бы избежать продолжения этого разговора.

- Девичья ладонь предпочитает оружие, что ляжет продолжением руки, словно верный союзник, а не мучительным бременем, с которым нужно через силу свыкаться. - Лениво парировала Асгетт. Она небрежно повела плечом, всем своим видом демонстрируя смертельную скуку, пока мокрый халат предательски прилип к спине, смазывая весь эффект высокомерия.

- У нас есть лишь право предлагать, пока нам позволяют, и искренне надеяться на добрую волю. Как отраднo, что этот мир всё ещё полнится сталью. Уверена, вам уже сразу после Великого совета начнут настойчиво предлагать все эти... изящные, маленькие и тонкие клинки, что, несомненно, идеально подойдут под столь крохотную девичью руку, радуя её послушанием и лаская ладонь. Даже швы в устье ножен не растянут. Но тут явно нужно что-то побольше. Так молю, утолите же наше любопытство. Какой клинок в союзе с вашей рукой принёс бы вам удовольствие? - Раа'си Ра'ми в серой мантии явно потешалась над ней.

- Вы мне начинаете нравиться. Но, увы, моя рука не планирует размышлять о подобных союзах ещё десятки лет, ибо с удовольствием она пока вполне неплохо справляется сама. И вам размышлять об этом, право, не стоит. - ответила Асгетт с самым невозмутимым видом, параллельно лихорадочно пытаясь сообразить, что ближе: дверь или окно, в которое можно было бы выйти с минимальным ущербом для достоинства и халата. Хотя, да боги с ним, с халатом. И с достоинством тоже. Просто выйти. Прямо сейчас.

- За эти годы даже наш суровый клинок можно обучить искусству приносить не только боль, но и удовольствие. В тёплой девичьей руке он смог бы стать немного податливее, послушней... - женщина в серых одеяниях шла за ней по кру-

гу, нарочито медленно сокращая дистанцию.

Запутанность уверток в речах уже пробила свод и уверенно стремилась к небесам.

Асгетт остановилась, вздохнула и смерила собеседницу откровенно скептическим взглядом:

- Позвольте поинтересоваться, а за всю историю мироздания хоть один ваш клинок стал немного податливее и послушней в «тёплых» руках ваших девиц?

- Нет, увы. Девичьих рук-то у нас... почти и не осталось, - притворно вздохнула серая тень, ни на секунду не выходя из образа, - Да и клинки предпочитают рукам лишь девичьи ножны, в которых они твердеют. Но вот в ваших руках... Но ежели вы пожелаете ощутить эту истинную твёрдость стали, вы вольны вставить клинок и в свои ножны.

- Как бы ножны от удовольствия по швам не пошли. - «ну вот. Заразилась.» - пронеслось в девичьей голове.

Принцесса неожиданно для самой себя начала получать извращенное удовольствие от этого странного диалога. Паника окончательно испарилась, уступив место азарту.

- Ножны растянутся, со временем. По размеру того большого клинка, что в них войдёт. Нужно лишь немного смирения, за ним всегда следует награда. - серая тень произнесла это с таким непроницаемо-благочестивым видом, будто зачитывала выдержку из священного писания.

- Поверю на слово. Ах, госпожа, как умело вы направляете скромные девичьи мысли в сторону греховных помыслов, - Асгетт издевательски приложила ладонь к груди, изображая крайнюю степень смущения. - Как же приятно встретить того, кто способен доставить удовольствие не только своим большим клинком, но и правильно подвешенным языком. Редчайшее умение для обделенных такими талантами краёв. Надеюсь, вы передали этот дар своим потомкам?

Она выдержала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом:

-И как же отратно, что «великие» мастера всё ещё делают поистине подходящие и смиренные для этой стали саркофаги. По размеру. Даже растягивать не придётся, ибо изначально они рождены принимать эти большие клинки во всю их грозную длину. Так пусть же они там и хранятся. Желательно - никогда оттуда не вылезая.

- К чему ей наше оружие, когда она способна сечь словом.

А её клинок будет побольше любого другого, если вдруг наши воины решат достать свои и помериться размером, - с хриплым смешком подала голос Раа'си Ра'ми в чёрной мантии.

- Надеюсь, не из штанов. - невозмутимо обронила Асгетт, хотя уголки её губ предательски дрогнули.

- Хоть смирением предки её и обделили, благоразумно отдав всё нам, но вот непокорного огня влили с избытком. Даже в ножны вставлять не придётся, любой клинок примет истинную форму прямо в её руке. Спасибо, что уделили нам время - тихо и с явным удовольствием подытожила серая тень, плавно склонив голову.

- Я бы вам поклонилась, да прошу простить, спина болит после долгой ночной молитвы, - девица наконец дошла до дверей, оборачиваясь к ним в последний раз. - Боюсь, соверши я такой поклон, назад меня не сможет разогнуть ни один великий клинок, даже если он весьма стремительно войдёт в мои ножны. Госпожи.

Подхватив маску и плащ, она натягивала их прямо на ходу. Асгетт выпорхнула из купален так стремительно, словно шальная муха, что долго билась о стекло и наконец-то нашла открытые ставни.

«Иди и молись. Прямо сейчас.» - билась в голове единственная здравая мысль, пока она неслась по темным коридорам. И молиться желательно до самого начала Великого совета.

Исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Глава 5

Наследница Венца совсем не по царски плелась к молитвенному залу по полутемным переходам, искусно обходя шумные компании прибывших гостей Храма. Окутанные полумраком залы кишели фигурами в закрытых личинах. Чужаки сбивались в тесные стайки, чтобы неумолкая сплетничать и делиться первыми впечатлениями от съезда. Протыкнув мимо очередной кучки высокородных дев, Асгетт за эти недолгие секунды узнала столько «важных» тайн, что едва сдержала едкий смешок под своей непроницаемой маской. Из их шушуканья она во всех подробностях выяснила как выглядят и какие анатомические особенности скрывают у себя в штанах молодые царские наследники запредельных земель, какие из заграничных принцесс считаются первыми красавицами, у какой из них грудь висит ниже второй, и ещё множество абсолютно бесполезных, глупых подробностей чужой жизни.

Брезгливо хмыкнув, она свернула с главного маршрута и углубилась в дальний конец храмового комплекса. Здесь, в пыльном полумраке глухих коридоров, не было ни единой живой души - по крайней мере, по её мнению. Она двигалась совершенно бесшумно, лишь влажный шелк халата под плащём едва слышно шелестел, то и дело распахиваясь и оголяя

бёдра при каждом шаге.

Из темноты за спиной донеслось:

- Эй, служанка.

В другой ситуации она бы и ухом не повела, проигнорировав оклик. Но служанок в этих чертогах отродясь не водилось - Храм обслуживали исключительно служительницы Вита'е Арбрис и Хранители. Ей стало уж очень любопытно, какая ещё, к иблисовой матери, служанка ухитрилась тут нарисоваться.

- За мной, - говор был неприятный, привыкший повелевать.

Крупный мужчина сделал шаг вперед, уставившись на нее сквозь прорези маски. Он явно обращался именно к ней.

На всякий случай Асгетт оглянулась через плечо. «Он что, пошутил?»

- Ты, - громила раздраженно рявкнул, нарушая гробовую тишину коридора. - Видишь здесь кого-то еще?

Озадаченно проморгавшись, она рассматривала массив-

ную тушу наглеца. В его облике крылось что-то неправильное, И это «что-то» выходило далеко за рамки обычной невоспитанности.

В очередной раз Асгетт прокляла свое неумное любопытство - и в очередной раз перед ним капитулировала. Ладно, служанка так служанка. В такие игры она ещё не играла.

Асгетт даже бровью не повела под своей маской, когда массивные двери за её спиной с глухим стуком захлопнулись на тяжелый засов, а дорогу назад моментально перегородили двое рослых мужчин в закрытых наглухо одеяниях. Лишь сухо и емко подытожила у себя в голове:

«Дерьмо. Вот и помолилась.»

Глядя на девицу, стоявшую на коленях между ног развалившегося на диване внушительного мужчины в самом конце зала, Асгетт уже мысленно присоединялась к этой «неистойой молитве». И делать это она будет усердно, до самого начала Великого Совета - исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Вот только под этим таинством она, как будто бы, имела в виду нечто совсем иное.

В скрытом от посторонних глаз зале храма Мира стоял душливый, тошнотворный смрад. Запах дорогого хмеля мешался здесь с тяжелыми испарениями пота. На глубоких, обитых темной кожей диванах вальяжно расположились го-

сти из чужих земель. Судя по характерному поведению, присущему лишь самым богатым и высокомерным, Асгетт имела сомнительную честь лицеизреть элиту какого-то великого дома. Наплевав на священные законы, половина этих ублюдков уже предалась разврату.

Прямо на низком длинном столе из резного камня, что стоял посередине залы, трое пьяных высокородных гостей остервенело, со звериным хрипом овладевали какой-то девицей. Та не сопротивлялась, но и удовольствия явно не получала - лишь тихо хныкала под одобрителный гогот собравшихся.

Цина лениво наблюдал за происходящим хаосом, пока какая-то шлюха покорно доставляла ему удовольствие, судорожно вцепившись пальцами в его ноги. Из-под его маски на только что вошедшее свежее мясо взирали красные скучающие глаза.

- Пусть развлечет нас, - обратился он подвластному ему воину - Эти уже выдохлись.

Короткий жест ладони, обтянутой черной кожей, заставил тело марионетки, заполненное мраком, прийти в движение. Воин, что привёл служанку, подошел и почти нежно отстегнул плащ, который тут же тихо сполз на пол. А в следующий миг, грубо схватив девку за горло, он повалил её спиной на стол.

Что-то эта игра переставала быть забавной. Проклинаая в душе себя и бабку с её прозрачными тряпками, Асгетт пыталась понять, что ей делать. Убить их всех она не могла - древний закон Храма чтился ею. Позволить себя опорочить, а после, если её не убьют, позвать Хранителей? Нет, после такой грязи она уже никогда не отмоеся. Начать орать как

умалишенная? Во-первых, сквозь массивные двери её никто не услышит. А если и услышат, то вряд ли те, кто захочет помочь. Наплевать на запрет и попросту поджечь тут всё и голову не дурить? - есть вероятность спалить за компанию половину храма, вместе с гостями. Со всеми гостями. И слушателями.

Когда тяжелая, покрытая жесткими мозолями ладонь громила бесцеремонно скользнула под тонкий, струящийся шелк халата, её обдало удушливой волной брезгливости. Но в следующее мгновение злость хлынула по венам обжигающим пожаром. Этот огонь мгновенно выжег всё лишнее, растворил сомнения, оставив в висках лишь кристально чистую, пульсирующую мысль. Она грохотала знакомым, скорым на расправу отцовским голосом:

- «Вот видишь, как замечательно? Все померли - и никаких больше проблем».

И тут же поверх этого гула скользнула вторая мысль. Остужающая. Она зазвучала мягким тоном любимого дяди:

- «Ты - клинок в бархатных ножнах, девочка. Не хочешь пачкать лезвие - бей плашмя».

Нельзя выпустать ту силу, что таится в ней. Слишком мно-

го чести. Для этих господ у неё есть кое что другое.

Из её горла, вибрируя от сдерживаемой силы, вырвался первый звук. С губ сорвался напев - тихий, зловещий, шипящий, балансирующий на грани дикого, глухого рыка. Слово в слово, как когда-то учила матушка Кула:

Черной реченьки вода

И темна, и глубока

Унесло тебя течение

Далеко от берега...

Громила замер над ней и начал медленно сползать со стола. Правда, Асгетт рассчитывала на куда более зрелищный эффект - как минимум на кровавую пену изо рта или конвульсии. Окружающие притихли, отрываясь от своих непотребств. Воспользовавшись заминкой, Асгетт приподнялась на локтях и резким движением сорвала маску с ублюдка.

Белки его глаз полностью затопил густой, маслянисто-черный туман, стирая зрачки. Мир вокруг словно замер. Вот оно что. В этом грубом теле уже прочно обосновался Жнец.

«Сука, мечта, а не вечер, всё как бабка и пророчила».

Пухлые губы дрогнули, и на ее лице медленно растянулся хищный оскал. Одним резким, рвущим движением она сорвала с себя маску, обнажая истинное лицо, сделала глубокий, судорожный вдох и запела вновь. Её голос набрал чудовищную силу, заставив сам воздух в комнате зазвенеть и завибрировать тяжелым, осязаемым гулом, от которого задрожали стены:

Бездонный яд в её глазах

Лунный сад на сияющей коже

Шепчут губы не уходи

Прильни головой к моей груди...

Освобожденный взгляд - пронзительный, гипнотический и лишенный всякого сострадания - мгновенно пригвоздил марионетку к месту, окончательно забирая тело под абсолютную власть её глаз. Она зарылась пальцами в его жесткие, сальные волосы на затылке. Ладонь ощутила всю тяжесть обмякшей головы, когда девушка потянула ее на себя, заставляя его безвольно уткнуться лицом в изгиб своей шеи. Запрокидывая голову, она продолжала петь баюкающим полусшепотом, в котором сквозила опасная нежность:

В сладкий сон он уйдет без следа

О супруге забыв навсегда

Холод пальцев ее как лед

Поцелуй искушение и мёд...

Яростно припав к его губам, Астетт навалилась на него всем телом. Её рука жестко зафиксировала голову мужчины, не давая отстраниться и силой заставила его колени по-

догнуться. Он тяжело, со сдавленным хрипом, словно набитая песком тряпичная кукла, осел на холодные плиты пола, увлекая ее за собой.

Этот поцелуй не имел ничего общего с нежностью - целовалась она отвратительно и неумело. Её учили совсем иному искусству: ласкать чужой слух сладкими речами, а не дарить ласки чужим устам.

Физический контакт был лишь мостом. Настоящая битва развернулась внутри. Вот что она действительно хорошо умела, так это слой за слоем перекраивать чужой разум, выжигая старые воспоминания, наводя там свой собственный, царский порядок. В глубине чужого сознания магия жнеца мгновенно ошетилилась в ответ, глухо и свирепо сопротивляясь вторжению. Две чуждые, несоизмеримые силы столкнулись в безмолвном, смертельном поединке, но исход был предreshен: в этой голове мог остаться только один победитель.

Опустошенная оболочка окончательно обмякла. Массивное тело с глухим стуком повалилось навзничь на плиты пола, а остекленевший, пустой взор уставился в потолок, больше не отражая ни единой мысли.

В этот же миг по залу прокатилась волна судорог. Высоко-

родная шваль разом задержалась, хрипя и отчаянно пытаясь прояснить рассудок. Каково это - чувствовать, как внутри черепной коробки закипает и буквально плавится собственный мозг, превращая связные мысли, гордыню и воспомина-ния в серую, бесполезную кашу?

Цина резко мотнул головой: сука не просто вышвырнула его из тела марионетки, а нагло забила острые, раскалённые иглы прямо в его разум. Каждое мгновение отдавалось в висках тяжелым, пульсирующим молотом.

Имперская свита и привезенные ими куртизанки, словно разом прибитые обухом по голове, начали валиться на пол - с диванов, столов и постов у двери. Все до единого. По всей видимости, подниматься сегодня они больше не планировали.

Грубым движением оттолкнув шлюху, обмякшую от действия марева между его ног, и не спеша запахнув полы темного одеяния, скрывая обнаженную плоть, он начал медленно подниматься. Расправились широкие плечи, и грозная фигура, окутанная осязаемыми темными волнами поднимающегося гнева, начала стремительно заполнять собой пространство залы. В глазах всё плыло.

«Неплохо сходил в гости к имперцам, - мрачно подумал

он. - Остынь. Тебя разбили на твоём же поле, так что умеешь принимать поражение достойно.»

Только вот в последнее время его слишком часто щелкали по носу в его же играх. Терпение, копившееся веками, окончательно иссякло. Плевать на правила. Эту дерзкую служанку он собирался разорвать на кровавые куски.

Асгетт нарочито медленно повернулась к жнецу. Её взгляд лениво скользнул по помещению: непристойное сборище бесстыдно раскидалось по полу в самых нелепых позах.

«Пить меньше нужно. Как маленькие, ей-богу»

Её глаза запылали безумием, а на губах блуждала пугающая улыбка. Изысканным, молниеносным движением выхватив стилет из ножен лежащего на полу воина, она легко вскочила на каменный стол и пошла прямо по каменной столешнице навстречу поднимающемуся жнецу. Шаг за шагом, сокращая дистанцию под его яростным взглядом. Она ещё не закончила песню:

Он всё борется, но тонет в ней...

Она приближалась, глядя на него исподлобья сквозь пряди растрепанных, упавших на лицо серебряных волос. Ее взгляд - лихорадочный, был прикован к его высокой фигуре. Тонкие пальцы медленно, почти ласково поглаживали шероховатую рукоять оружия. Переступив через тело голой девицы, бесчувственно растянувшейся на столе, Асгетт раздраженно подумала: - «Ну ты посмотри на него... Стоит как каменный, хоть бы пошатнулся». Нужно было подойти ближе. Еще ближе. Прикоснуться к нему.

Голос разума кричит

Давай убей...

Плавно, словно змея, соскользнув с низкого каменного стола, она подошла к жнецу вплотную, уперлась ладонью в его широкую грудь и с неожиданной, сконцентрированной силой толкнула назад, заставляя опуститься обратно на мягкий диван. Он тяжело дышал, его челюсти под маской были сжаты до скрежета - он отчаянно боролся с волнами дурманящего наваждения, которое она непрерывно посылала в его разум. Силен, выродок. В этой закаленной боями голове она точно не сможет навести свои порядки - мозги ему явно

отбили ещё до неё. Но вот «удовольствие» она собиралась обеспечить ему сполна.

Оседлав его, Асгетт крепко сжала колени, фиксируя свое положение, и начала нарочито медленно, дразняще двигаться. Не прерывая песни, она запустила ладонь под его капюшон. Тонкие пальцы скользнули, огладив тугие канаты вен на его напряжённой шее, лениво оттягивая ворот темного одеяния, чтобы оголить пульсирующую кожу под ним:

Он стонет

Даа

Ещё ещё

Быстро бьются бёдра в такт её...

Цена, что уже почти покорился непреодолимой власти ее рук, что сквозь самую кожу овладевала его волей, взвился. В нём боролись ярость и вынужденное наслаждение. Его пальцы в жестких кожаных перчатках стальной хваткой впились

в её бедра. Грубо он притянул её к себе, заставляя двигаться стремительнее и прижиматься к его паху еще сильнее. Швы кожи безжалостно врезались в ее нежную плоть, оставляя горящие красные борозды, но Асгетт лишь торжествующе улыбнулась, чувствуя как его сопротивление окончательно ломается. Он делал лишь то, что она милостиво ему позволяла.

Клыки блеснули

И вонзились с болью...

Она резко, в один миг отпустила его волю и со всей силы, по-звериному вгрызлась в его татуированную шею. Жнец утробно зарычал от неожиданной вспышки боли. Схватив эту дрянь за длинные волосы, он рванул их от себя, пытаясь отодрать дикарку от своего тела, но та присосалась намертво. Казалось та планировала сожрать его заживо, упиваясь вкусом его холодной крови.

Сполна наигравшись этой вспышкой насилия и приставив к его горлу стилет, Асгетт наконец перестала терзать израненную плоть. На ее губах остался металлический привкус, а по татуированной шее Жнеца медленно потекла багровая

струйка, исчезая под воротом его одеяния. Сталь стилета холодила кожу у самого кадыка, заставляя его замереть и ловить каждое ее движение. Прильнув к самому его уху, почти касаясь губами мочки, она тихо, ласково и пугающе интимно прошептала последние строки:

Смешался вкус

Страсти с нежной болью

В глухой реке чужих не примет дно

Он станет прахом под зловещей властью

Оставив кости там где так темно...

В огромном зале они остались только вдвоем. Ну и эти - там, на полу.

Асгетт больше не призывала силу. Притомилась. Но об этом ему знать вовсе не обязательно. Да и хватит с него на сегодня впечатлений, а то ещё, чего доброго, войдёт во вкус.

Тело жнеца под ней содрогнулась, а грудь загнанно вздымалась, пока он сжимал в кулаке намотанные волосы и по-прежнему придерживал другой рукой её бёдра, даже почти нежно.

«Фу, какая дрянь, - Асгетт изо всех сил боролась с искушением прямо сейчас сплюнуть на пол вязкую слюну. - Говорила же мне бабка: не бери в рот всякую гадость».

Поборов этот позыв и слегка наклонив голову набок, глядя сверху вниз на тяжело дышащего мужчину в маске, она поинтересовалась:

- На ком я сижу, позвольте узнать?

- На наследнике Каменной Долины, госпожа-а, - прошипел он с сочащейся издевкой.

«Госпожой» он ее, разумеется, не считал и близко. В его хриплом голосе не было ни капли страха: он без колебаний назвал свой титул, прекрасно понимая: девчонка отсюда своими ногами уже не выйдет.

Демонстративно неохотно он убрал забытую ладонь с ее задницы. Следом наконец разжал пальцы, выпуская ее сереб-

ряные волосы, но напоследок резко дернул руку, вырывая с корнем несколько прядей. Девка даже не поморщилась.

Цина отчаянно боролся с закипающим гневом. Его тело все еще мелко потряхивало, а взор никак не желал фокусироваться, расплываясь сквозь прорези темной маски. Он тщетно пытался разглядеть ее лицо, уставившись прямо в эти горящие медные, чертовски хитрые глаза. Первобытное желание убивать рвалось наружу, готовое окутать всю залу удушающим черным мраком, но ледяная сталь, все еще прижатая к его горлу, успокаивающе советовала не дергаться. Он знал, что мог бы без особого труда перехватить её запястье и выбить оружие. Вот только такой силы он ещё не встречал за все свои пять столетий жизни. И потому сомневался, что успеет заткнуть этой твари рот до того, как она вновь завоюет свою проклятую песню. Слишком много сил ушло на битву за оболочку марионетки. А теперь приходилось воевать со своим собственным сознанием, возвращая ему контроль и ясность.

В зале, где недавно гремел пьяный хохот, висела оглушительная тишина.

- Какая честь, - ядовито протянула девица, и в ее медных глазах вспыхнули веселые, опасные искры. Она приподняла брови, ни на толику не отводя лезвие кинжала от его горла.

- И как же быстро его устами я была вознесена до госпожи. Глядишь, еще немного на вас посижу, и сама дочью какого-нибудь Царя стану.

Она тихо, дразняще рассмеялась, и этот мягкий, грудной смех прозвучал в замершем пространстве как откровенная пощёчина.

Прикидываться душой она искренне любила - а может и являлась ей, поди разбери. С дурочек в этом мире спрос меньше. Поэтому Асгетт из всех сил постаралась сохранить невозмутимое, почти невинное выражение лица.

Этот низкий, скрежещущий голос она узнала сразу, едва первые звуки сорвались с его губ. Жнец из Ям, да ещё и будущий правитель Долины. Ей сегодня везло, как никогда в жизни. Осталось только об саму бездну споткнуться, чтобы уже наверняка.

- Не знаю, как насчёт дочери Царя, но если вы, госпожа-а, - жнец вновь выплюнул это обращение с показным почтением - ещё немного поёрзаете на моём члене, то точно в скором времени станете женой Шаха. - под маской пряталась улыбка, и едва ли она была нежной. Взор его наконец начал проясняться, прогоняя туман, и перед ним предстало поистине замечательное зрелище. Эта бестия была красива. Очень. По-

добная внешность казалась чем-то незаконным - эдакая запретная реликвия, обитающая в этом храме. Знал бы раньше - давно посетил бы эту святыню. Пожалуй, даже бы уверовал. Кому они там вообще молятся? Каким-то богиням? Дайте две.

Глаза жадно скользнули по ее подтянутому, гибкому телу: тонкая талия, упругие бедра и весомая грудь, полностью оголившаяся из-за недавней возни у его шеи. На сосках девушки маняще поблескивали тонкие золотые украшения. И в этот момент запоздалая мысль наконец настигла его разум - на нём сидела вовсе не служанка.

- Ух. Жена самого Шаха, - Асгетт коварно сощурила глаза и подалась вперед, бесстыдно и плотно прижимаясь к характерному, твердому бугру между его ног.

Она и так по уши в болоте и упорно продолжала идти на дно, так что стесняться было поздно. А терять уже нечего.

- Какие же чудеса ваше естество умеет творить. А будущему Шаху Каменной Долины досталось ещё что-то выдающееся, помимо каменного члена?

Признаться, там действительно было нечто выдающееся. Скрывать очевидное было глупо - Жеребчик Дарий явно

уступал. Если бабка не набрехала, что-бы её не спугнуть.

- Точно не каменное терпение, - ответил жнец, и его низкий голос завибрировал - Всякое видел, но чтобы столь прекрасная девица скрывала такую красоту под маской - впервые. Все «служанки» тут настолько хороши?

- Сходи ещё полови. - предложила Асгетт, наклонившись ближе к его маске, ничуть не заботясь об обнаженной груди и халате, уже сползшем на бедра на манер юбки. - Всякое видела, но что-бы царский сынок скрывался в чужом теле - впервые. По красивому личику выбирал, потому что твоё красоты никогда не знало, жнец?

Вновь полезла её спесь и царский надменный тон. Приговор она подписала себе еще в тот момент, когда вошла в эти двери, так что теперь можно со спокойной совестью развлекаться.

- Такними маску девочка, взгляни. Может тебе и это, не знавшее красоты лицо понравится? - он завёл ладонь между лезвием и своим горлом, медленно отводя сталь в сторону.

Если бы девчонка действительно хотела, она могла бы до сих пор играть с его головой. Но она этого не делала. Значит - попросту не могла. И это знание разожгло в нём тихое, тём-

ное желание проверить пределы её внезапной беспомощности.

Вторая рука скользнула выше, нагло и уверенно исследуя каждый изгиб ее тела. Пальцы по-хозяйски сомкнулись на груди, грубо сжимая мягкую плоть. Бёдра Цины чуть поднялись - медленно, намеренно - и он сильнее вжался в неё, заставляя кожей почувствовать, как сильно она на него действует.

- К чему же калечить будущего Шаха, милая, если мы можем подарить друг другу наслаждение? - вкрадчиво прошептал он.

- О, поверьте, господи-ин. - процедила сквозь зубы Асгетт, напрягая руку, которая сжимала оружие. - Вам уже более чем достаточно.

Лишь коротко усмехнувшись, Цина перехватив её свободную руку и зафиксировал тонкое запястье словно в стальной замок. Не оставляя девчонке ни единого шанса на сопротивление, он силой принудил её ладонь опуститься вниз и прикоснуться к плотной ткани, которая опасно натянулась от бешеного желания.

- Разве может быть член того, кому достаточно, таким

твёрдым? - за маской расцвела ухмылка.

Не дожидаясь ответа, он рывком увел стилет от своего кадыка и швырнул его прочь. Железо в отместку скользнуло по шву перчатки, прорезав кожу и оставив на ней тонкую алую линию.

- Поосторожнее, великий Шах... не стоит кусать то, что не сможешь проглотить. Потом сплёвывать придётся, - голос Асгетт стал ниже, почти бархатным, а пальцы сжались вокруг его плоти с такой отчаянной силой, будто она действительно хотела оставить в его памяти самые яркие и незабываемые впечатления.

Оставила... Жнец издал низкий, протяжный стон, от которого по её спине медленно прокатилась волна холодных мурашек. Звук был настолько сытым, порочным и откровенным, что она едва удержала маску безразличия, готовая в любой момент вытаращить глаза.

«Он совсем одуревший», - мелькнуло у неё в мыслях. У неё решительно всё шло как-то не так. С самого рождения.

- Сплевывать будешь ты, девочка. - хрипло пообещал Жнец.

Его маска слетела в сторону и в следующее мгновение он впился в её губы. Зубы с силой ударились друг о друга, а дыхание смешалось в рваном, судорожном ритме, став общим. Обычно он брезговал лезть в чужой рот, но сейчас желание оказалось сильнее привычки.

Мужчина жестко направлял её руку, полностью подчинив её движения. Он заставлял сжимать и ласкать себя через ткань, одновременно сминая её губы и зарываясь пальцами в волосы, пока девчонка отчаянно пыталась отстраниться, упиравшись свободной рукой в его твердую, как гранит грудь.

Острая боль расцвела во рту, мгновенно наполнив его солоноватой кровью. Цина отпрянул, почти до хруста сжимая девичью ладонь на своей плоти. Дикарка прикусила ему язык.

- Вот так сплёвывать, господин? — тихо спросила девушка, захлопав длинными ресницами, пока тёмные капли оставляли на подбородке жнеца полосы, лениво стекая по татуированной шее.

Тонким пальцем она медленно провела по его нижней губе, собирая багровую, кровавую росу.

- Или...все-же лучше глотать?

Перехватив её руку у самого лица, Цина медленно, не отрывая взгляда от её манящих, медных глаз, слизал кровь с её кожи. Он провел прокушенным языком по чувствительной подушечке пальца с почти порочной, пугающей нежностью. Любая другая тварь на её месте уже была бы мёртва. Но эта... эта так просто не отделается.

Опустив вниз её руку и легко перехватив оба тонких запястья одной своей широкой ладонью, он намертво зажал их на своем торсе.

- Глотай, - его низкий голос вибрировал у самого ее лица, а хищная улыбка обнажила ряд ровных, испачканных кровью белоснежных зубов.

Он вновь подался к её губам, и в этом поцелуе больше не было пощады. Язык проникал глубже, настойчивее, заполняя её рот вязкой влагой. Прервавшись на краткий миг, Цина зубами рванул жесткую перчатку и нагло, с размаху припечатал обнаженной рукой по ее ягодицам, заставив девчонку вздрогнуть. Шелк халата жалобно зашуршал, когда его пальцы проникли под ткань. Проведя ледяной ладонью по вспыхнувшей от удара коже, он повел руку ниже, под самые бедра, и с силой их сжал, до боли оттягивая плоть.

Под злобное шипение девицы его пальцы медленно очерчивали круги на самом нежном, уязвимом месте её тела. С трудом заставив себя разорвать поцелуй, оставляя её измазанные кровью, раскрасневшиеся губы, он прильнул к набухшей груди. Жадно вбирая в рот плоть вместе с тонким золотым украшением он слегка прикусывал металл. В нос ударил дурманящий аромат мяты, исходящий от её кожи.

Асгетт до белых костяшек сжала кулаки, изо всех сил упираясь в его твердый живот. С тихим, задушенным стоном она тщетно пыталась спасти сокровенное от его наглых пальцев. Ублюдок. До умопомрачения красивый ублюдок лез туда, где его совершенно не ждали. Вот теперь по её венам хлынуло настоящее, первобытное огнево.

Отпустив грудь, Цина повел языком по шее, к подбородку.

- Какая ты стала горячая... Нравится? - выдохнул он и вновь безжалостно вцепился в её губы, полностью игнорируя полыхающие гневом глаза и готовый сорваться с уст протест.

«Нравится, ага, прям пылаю. Буквально.»- думала Асгетт, примеряясь, какую его часть тела поджечь. Руки опасно нагревались. - «Интересно, а в каменной долине водятся евнухи? Или этот станет первым?»

Выползшая, словно из-под самого дивана, тёмная фигура в мантии Хранителя храма Мира беззвучно возникла за спиной жнеца. Длинный клинок, как живое существо, не спеша скользнул по его плечу. В воздухе мгновенно разлился тяжёлый кисло-сладкий запах ягоды, будто кто-то раздавил спелые плоды прямо на полу.

Уловив в воздухе знакомый шлейф, Цина инстинктивно прервал насилие над её ртом.

- Вот это вы разошлись, детки - раздался сзади совсем недобрый мужской голос.

Цина хотел развернуться, но незнакомец позади него действовал на опережение. Сильная рука молниеносно сомкнулась на его горле, а локтевой сгиб, словно стальной хомут, вдавился в кадык, наглухо перекрывая доступ к воздуху.

- Советую не двигаться, щенок, - голос за спиной тихо прошептал прямо в ухо, - я сегодня очень злой... и очень голодный.

- О, я вполне сама справлялась - Асгетт победно улыбнулась, уже предвкушая развязку.

- О, я заметил. Чего ж меня не позвала? Мне, может, тоже хотелось? - поинтересовался бог, с откровенным весельем разглядывая из-под капюшона всё это безобразие.

- На этих коленях больше нет свободного места, - Асгетт расплылась в блаженной, сияющей улыбке, глядя на дорогого друга.

Мысль о том, что ей не придётся потом выслушивать вершение родни из-за спаленного дотла храма, очень грела душу Наследницы Венца.

- Тоже мне проблема. Я сзади пристроюсь. - божество провело длинным языком по щеке жнеца, заставив того дёрнуться и напроочь позабыть о недавнем возбуждении. - Сзади жнеца, разумеется.

Картинно окинув взглядом валяющиеся на каменных плитах тела, божество резюмировало:

- На безрыбье и рак рыба.

Явно выбрав клинком в глаз и признавая полную капитуляцию, жнец медленно разжал пальцы, освобождая запястья девицы, и послушно приподнял руки. Его взгляд оставался намертво прикован к девушке. Кажется, он начал что-то по-

нимать.

- Оставь, - спокойно произнесла Асгетт, плавно слезая с колен жнеца. - К чему калечить будущего Шаха, если мы уже доставили друг другу столько наслаждения?

Соскользнув с него на пол, она по-дружески хлопнула наследника Долины по колену, словно между ними только что произошла обычная, вполне приятная встреча.

- Хорошего вечера, Господи-ин. - за улыбкой сверкнули клыки - Думаю, мы сможем благоразумно забыть это маленькое недоразумение и впредь не доставлять друг другу лишних проблем?

Асгетт чуть прищурилась, голос стал ниже и насмешливее:

- Ну а если вдруг наслаждения всё ещё мало... продолжите сами. Сверху вниз. Вы ведь и без меня прекрасно всё знаете.

Она игриво подмигнула мужчине, небрежно накинула висящий на поясе халат на плечи и, развернувшись, направилась к выходу, позабыв о плаще служительницы. На нём мирно спал тот, кто привёл её в это прекрасное место.

Бог Касарит отпустил жнеца, и пока тот пытался вспомнить как дышать, с лёгкой грацией перелез через спинку дивана и, спустившись на пол, будто ничего не произошло, неспешно двинулся следом за Асгетт.

Откинувшись назад, обессиленно, но с явным удовлетворением на лице, Цина хрипло проговорил, не отрывая взгляда от уходящих спин в одеяниях блудницы и хранителя храма:

- Скажешь своё имя и род?

Голос его звучал низко и надтреснуто. Девка из Ям. Ией сейчас удалось его по-настоящему заинтересовать. А в этом мире мало что могло вызвать у него подобное чувство.

- Ты у всякой служанки имя узнаешь, Жнец? - спросила она у самой двери, обернувшись на прощание.

- Только у тех, которые воруют мои вещи, - он едва заметно наклонил голову, приняхиваясь к тяжелому кисло-сладкому аромату.

Воздух в зале стал настолько плотным, что дышать сделалось практически невозможным. И дело было далеко не в

извращенном удовольствии от удушья.

Бог сердито зыркнул на жнеца из-под капюшона. Вполне по-настоящему обидевшись на неблагодарного, он недовольно поинтересовался:

- А то, что ты получил взамен, тебя чем, собственно, не удовлетворило? Я, между прочим, старался! - его бубнёж вызвал у Асгетт тихую усмешку.

- Наследнику сложно без перстня. Видишь, как подкосило несчастного без защиты? Мы всё вернём, не переживайте, о великий Шах... - Асгетт отвесила поклон такой глубины и почтения, какого от нее не удостоивался ещё не один живущий.

Спину мгновенно свело. Домолилась. Пытаясь сохранить остатки грации, она с трудом разогнулась, заглянула прямо в его горящий багровый взор и, искусно пародируя бабкин царский тон, произнесла:

- У тупой шлюхи не может быть имени и рода. Я из Павиры, господи-ин.

И сполна насладившись тем, как наследника Каменной Долины передернуло, а его губы скривились от чистейшего

отвращения, она развернулась к двери. Асгетт отодвинула засов и вышла навстречу спасительной прохладе пустых коридоров. «Мечта сбылась, девочка. Ты сразилась со жнецом»

Глава 6

Стремительно мерив шагами коридор, девушка отчаянно молилась богам - на всякий случай всем сразу, и ныне живущим, и давно забытым, - лишь бы эта ночь обошлась без новых катастроф. Красные, наполненные презрением глаза жнеца будто преследовали её, но она упорно пыталась обогнать все навязчивые мысли.

- Ну как он тебе? Хорошо постарался? - Бог буквально лип к ней по пути в покои, смотря из-под капюшона наглыми, любопытными глазами.

- Иди в бездну, - огрызнулась Асгетт, даже не повернув головы.

Сладкое послевкусие от недавнего триумфа стремительно выветривалось. На смену ему подступало дрожащее, почти осязаемое раздражение. И, что злило сильнее всего, горячая, тяжелая истома, разливающаяся внизу живота. Тело предательски хранило память о каждом прикосновении, о каждом вздохе, которые разум отчаянно пытался вычеркнуть.

«Вот какие у тебя теперь пристрастия, наследница?» - внутренний голос ехидно скользнул по сознанию, смакуя

каждое слово, словно пробуя на вкус. - «Или это оттого, что в детстве ты слишком часто падала с деревьев головой вниз?»»

Высокомерный ублюдок, пусть даже самый ослепительно красивый, всё равно оставался высокомерным ублюдком. Асгетт вбивала эту мысль в разум, словно гвоздь под ударами тяжёлого молота.

- Вот только там меня еще не было, - хмыкнул бог, ничуть не задетый ее тоном. - Но ты точно туда попадешь, если продолжишь быть такой невыносимой.

Он откровенно забавлялся. А затем буднично, словно размышляя о погоде, добавил:

- Нужно было заиметь от него дитя.

Асгетт замерла так резко, что божество со всего маху влетело ей в спину, охнув. Она медленно повернулась.

- Эта ледяная, паршивая кровь... - процедила она, и в ее голосе явственно послышался скрежет стали.

- Как в сухую землю зайдет, - бесцеремонно перебил ее бог, задумчиво склонив голову набок.

Смерив нахальное божество тяжелым, обещающим скорую расправу взглядом, Асгетт развернулась и молча двинулась дальше по коридору. Шаги ее стали еще шире. Единственное, чего она действительно сейчас страстно желала - оказаться за закрытыми дверями купальни. Побыстрее смыть с себя чужие запахи, удушливые ощущения прошедших часов и навсегда запечатать память, чтобы больше никогда не возвращаться мыслями к подобному непотребству.

Чертог, которому сегодня суждено было принять Великий Совет, поражал своим масштабом. Казалось, под его вековыми сводами без труда могло бы укрыться население целого города. Вдоль массивных стен тянулись ряды резных кресел, предназначенных для многочисленной свиты тех великих домов, что стояли во главе государств и княжеств.

В самом сердце этого колоссального пространства покоился каменный стол невообразимых размеров, изогнутый безупречной дугой, прерываемой лишь узким проходом. А в самом центре этого рукотворного кольца безмолвно возносились кверху каменные ступени. На них уже замерли Хранители храма Мира, которым сегодня предстояло стать живым воплощением беспристрастного разума, призванного взывать к порядку и умирять гордыню.

За столом постепенно собирались венценосные особы: цари и их вассальные князья, наследники и искушенные в интригах советники. Здесь концентрировалась сила, готовая расколоть мир: те, кому суждено было яростно обвинять, и те, кому предстояло до последнего вздоха защищаться. Империя, обуяемая гордыней и не желая дожидаться официаль-

ного начала Совета, с вызовом бросила на каменную твердь целый перечень жестких, ультимативных требований к Павире. И точно такой же сокрушительный и бескомпромиссный список лег перед послами Триты.

Два толстых свитка безмолвно покоились на гладком камне. Никто из присутствующих даже не помышлял сорвать с них сургучные печати: все искренне боялись удушиться в бескрайнем полотне имперских претензий. Единственным соседом этих зловещих документов было оружие - фамильные клинки, тяжелые кинжалы и ятаганы, которые по незыблемому уставу Храма грозным стальным рядом выстроились перед своими хозяевами. Правители лично отвечали за покорность приближенных. Каждый из них был обязан проследить, чтобы его свита безропотно рассталась со сталью. Ведь если в этих священных стенах прольется хотя бы капля крови, кара падет на головы самих властителей. В ту же секунду Хранители перестанут быть милосердным голосом разума, обратившись в безжалостных судей.

Все представители великих домов предстали перед Советом без доспехов. Под простыми тканями плащей скрывались изысканные одежды, а под ритуальными масками - лица, искаженные потаенной злостью и благородной скукой. Ни сакральный закон, ни закрытые одеяния не смогли сдержать лавину взаимной ненависти. Словно дворовые псы, из-

вечные враги безошибочно находили друг друга по одному лишь запаху.

Пока половина имперской свиты, едва воскресшая поутру после ночного забытья и тщетно пытающаяся вспомнить хоть что-то, с яростным упорством изрыгала витиеватые оскорбления и пустую браваду, Трита демонстрировала поистине святую непоколебимость. Делегация Триты - хладнокровно, размеренно и уже в сотый раз, в малейших подробностях разъясняли оппонентам, куда именно и с какой скоростью им надлежит отправиться. И лишь немногочисленная свита Павиры, состоящая всего из трех безмолвных фигур, замерла в абсолютной неподвижности. Окутанные гробовым молчанием, они терпеливо ждали, когда фарс уступит место истинному началу.

Затянувшееся безмолвие этой троицы Цина списывал на первобытную дикость: эти животные, скорее всего, попросту не владели всеобщим наречием. Он сидел и презрительно щурился на беснующегося соседа. Вот бы и Империя наконец познала этот полезный дар - помалкивать. Голова раскалывалась на части, внутри черепа словно ворочались тяжелые камни. Стараясь не делать лишних движений и сдерживая нервный тик, он из-под прикрытия маски наблюдал за собственным Шахом. Его дед, Равель, раздражающе барабанил пальцами по каменной столешнице.

Девки среди павирской свиты не оказалось. Её он бы учужал. Цина тщетно силился изгнать воспоминания ушедшей ночи, но те настырно лились в подломанный разум. Гадину хотелось прирезать, и совсем больше не хотелось поиметь. Она испачкала собой и своим происхождением его самолюбие. Как подобная диковина, наделенная столь сильным даром, умудрилась уродиться среди безродных дворняг, его не заботило - видимо, раз в столетие и сухая палка цветёт. Он просто ждал, стараясь сохранять терпение. Это терпение должно было стать его броней - защитой от глупости, которая заставила бы его схватиться за рукоять, едва эта павирская тварь переступит порог зала, и не распять ее собственным клинком прямо на каменном столе. Мысль о том, чтобы пролить кровь в святыне манила его, заставляя пальцы судорожно сжиматься в кулаки.

Ненавидел. До кровавой пелены в глазах ненавидел всю эту падаль из Павиры и Триты с их грязной, плебейской кровью - отбросы, с которыми ему сегодня придется делить один стол. Ненавидел этот Храм, куда ступил впервые в жизни, с его молитвами и ложными божествами, перед которыми его заставили склонить голову при входе, и перед которыми наверняка заставят преклонить голову при выходе. Ненавидел Империю с её глупыми, недальновидными решениями - ведь именно из-за них они все оказались в этом месте. Но сильнее

всего он ненавидел эту шлюху - ту самую, которую еще вчера так страстно, до дрожи желал. Шлюху, которая посмела переиграть его. Уже во второй раз.

Цина протяжно, болезненно застонал, откинув голову на жесткую спинку кресла, зажмурил глаза.

- Что с тобой, мальчик? - дед наклонил к нему голову, и сквозь прорези его маски блеснули алые глаза.

- Все в порядке, мой Шах, - Цина с трудом разжал кулаки, пальцы в которых уже онемели и болели от напряжения.

- Сейчас все присутствующие здесь равны, нравится нам это или нет. Усмири себя.- дед говорил едва слышно, но его тихий голос казался древним, точно сам камень этих стен.

Правящий Шах Каменной Долины выказывал относительную снисходительность к чужой крови. Несомненно, в собственном величии он не сомневался, считая себя выше всего сущего и ранее существовавшего, однако не опускался до того, чтобы предаваться долгим размышлениям о чьем-то там происхождении. Ему было плевать. От этой мысли Цина медленно, но верно начинал закипать.

- Они никогда нам не станут равны.

Под столом Равель вцепился в запястье внука, заставив того поморщиться от боли. Тон главы рода был полон горького разочарования и скрытой угрозы, обещающей большие неприятности:

- Замолчи. Забылся, мальчишка? Придется напомнить: ты не дома.

- Я вас понял, мой Шах. - Цина сделал легкий поклон головой.

Старик выпустил его руку. Вальяжно откинувшись на спинку кресла, правитель Каменной Долины добавил ледяным тоном:

- Трахать имперских девок накануне помолвки с принцессой - глупый просчёт. Оставь свои мысли о шлюхах, хотя бы пока мы не закрепим этот союз. Я достаточно ясно выразился?

Цина покорно кивнул. И правда. Хватит думать о шлюхах.

- Начинаем, - голос одного из Хранителей прогремел по залу. - Всем занять свои места.

Ругань наконец утихла, и свита послушно заняла кресла вдоль стен. За столом переговоров воцарился порядок: по восемь мест было выделено для делегации каждого государства - строгий, веками не менявшийся регламент. Все, кто должен был сегодня восседать здесь встали в полный рост. В зале воцарилась звенящая тишина. Все замерли, ожидая заветного слова Хранителей, позволяющего снять маски. Не перед собравшимися врагами и союзниками. Их имена и истинные лица предназначались богам, незримо взиравшим на них из темноты под куполом.

Прошла минута. Две. Пять. Десять. Тишину начал прорезать недовольный ропот, глухо доносившийся из-под масок. На местах, где полагалось стоять представителям Триты, не хватало двоих. Делегация Павиры и вовсе отсутствовала в полном составе - лишь их безмолвная свита спокойно восседала в дальнем конце зала, не шевелясь. В огромном помещении начала стремительно повышаться температура.

.....

Асгетт шла следом за прибывшей матушкой, разглядывая её спину. Ей отчаянно хотелось обогнать женщину, которая внезапно стала невыносимо медлительной.

- Нас наверняка уже ожидают. - тонко намекая на необходимость ускориться, выговорила она.

- Это не наши проблемы, - одним плавным, быстрым движением Кула развернулась и поймала подбородок наследницы Венца в замок из пальцев. Она заставила Асгетт поднять голову. - Привыкай, Иблис бен Касарит. Та, кто рождена править, всегда приходит последней. Чужое ожидание - не твоя забота.

Лик Кулы было безупречным, лишенным возраста и живых эмоций. Под её золотыми глазами залегли темные тени - ритуальные отметины а на лице - украшение. Жуткое и одновременно изящное костяное сплетение. Острые наросты, напоминающие тонкие ребра и лапы насекомых, выходили будто из скулы и виска, оплетая ухо. Её шея была заключена в воротник из переплетенных костей и окаменевших сухожилий. Это ожерелье выглядело так, словно оно проросло

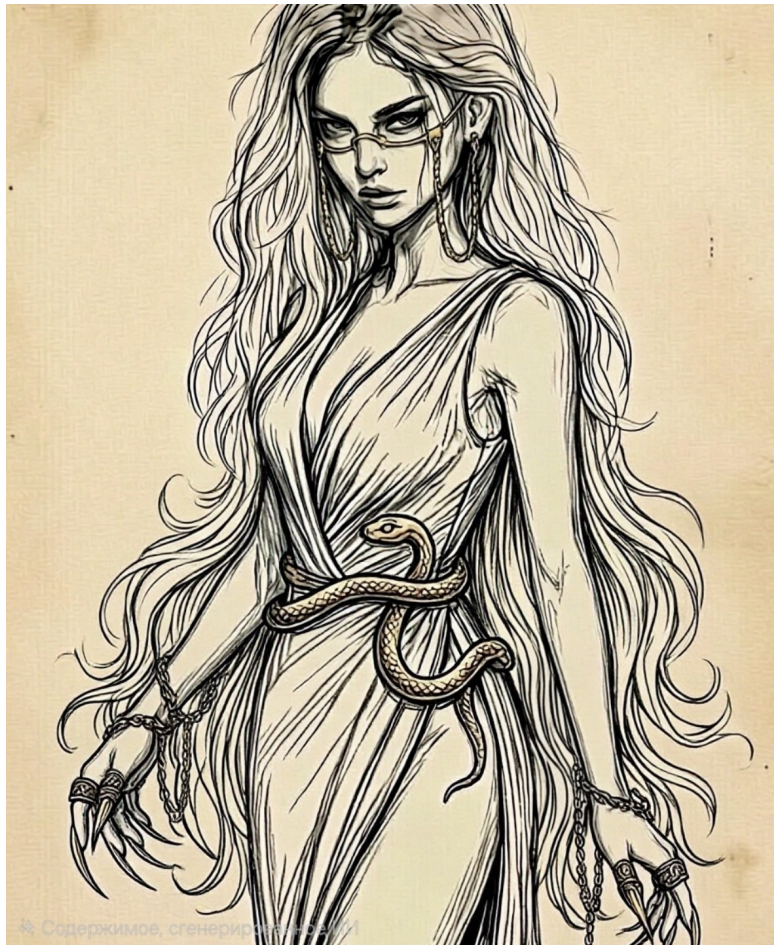
сквозь плоть, заменяя собой кожу и мышцы. Волосы - прямые, тяжелые, мертвенно-белого цвета, были зачесаны назад и удерживались тонким, едва заметным костяным обручем.

- Они не моя паства, матушка, - тихо, но твердо ответила Асгетт.

Она невольно залюбовалась этой дикой красавицей из лесов Катрата. Платье Кулы мало чем отличалось от собственного наряда наследницы Венца, только вот юбка той была изрезана на длинные, полосующие воздух лоскуты. При каждом шаге ткань расходилась, показывая сильные бедра и наглядно демонстрируя окружающим, чем женщина отличается от мужчины. Кула никогда не стеснялась своей наготы. Напротив, в гробу она видала эти приличия, предпочитая при любой возможности сбрасывать одеяния и нагишом бегать по лесам. Так было куда удобнее охотиться.

Разжав пальцы, матушка отпустила лицо дочери, на котором красовалась тонкая металлическая нить, изящно пересекающая переносицу. Вдоль щек спускались длинные цепочки, которые обвивали мочки ушей и уходили вниз. Эти украшения - строгая дань уважения традициям Катрара. Подобные цепи символизировали связь с предками и покорность законам крови.

Обхватив ладонь Асгетт, она уверенно повела её за собой. Проявилась странная, почти кошачья нежность: на ходу Кула мягко, едва ощутимо ласкала её пальцы, на которые были надеты массивные, золотые кольца, переходящие в длинные, изогнутые металлические когти, плотно облежавшие фаланги.

- К счастью, - сказала Кула, считавшая, что выше дочерей Иблиса только небосвод. - Тебе такие паршивые овцы в стаде не сдались.

Они вышли в широкий коридор, ведущий к массивным дверям зала, где вот-вот должен был начаться Великий Совет. Здесь их уже поджидали с тяжелыми белоснежными плащами и золотыми масками. Венец явно не намеревался следовать общим правилам и надевать такие же обрядовые атрибуты, как и все остальные. В честь чего это?

Накидки держали те, кого Царица отправила для поддержки Павиры: тётушка Артра и её старший брат Миракс, приходившийся Асгетт родным дядей. Лучше этой парочки на дипломатическом поприще говорила разве что сталь. Что же до Кулы... Асгетт не сомневалась: та шла на Совет лишь ради одного сценария. Если переговоры зайдут в тупик, она просто всех сожрёт.

- А чего-то более... скромного не нашлось? - Артра недовольно оглядела откровенное платье племянницы, задержав взгляд на змее, обвивавшей её талию.

- Это твоя мать выбирала, - Асгетт изящно покружилась, заставив цепи на запястьях тихо звякнуть, демонстрируя все прелести наряда.

Платье, разумеется, было сшито из лёгкой полупрозрачной ткани - безупречного, чистого белого оттенка. Глубокий вырез на груди переходил в изящные драпировки, подчеркивая хрупкость плеч и шеи. Высокий разрез, бравший начало от самой талии, при каждом шаге дразняще уходил вниз, оголяя бедро. И всё же этот наряд, по сравнению со сквоззящими лоскутами Кулы, выглядел почти целомудренно. Белизна ткани обманчиво шептала о чистоте, хотя сам фасон кричал о прямо противоположном.

- Прекрасное платье, - мгновенно подвела к итогу Артра, покосившись на брата из под маски.

Сомневаться во вкусе царицы, который почему-то внезапно стал извращенным, она не посмела. По крайней мере, вслух.

- И правда, замечательное, - тактично подтвердил дядя

Миракс. Он мысленно порадовался, что маска скрывает его изумленно взлетевшую к самой линии волос бровь. - Матушка как всегда удивляет своим поистине царским вкусом.

У дверей замер сам владыка Павиры в окружении советников, с ног до головы закутанных в такие же белёсые одеяния. Но по-настоящему Асгетт удивило другое: прямо за ними неподвижно высились две Тени Первозданных. На фоне светлой толпы Раа'си Ра'ми в своих чёрно-серых мантиях казались провалами в пустоту.

- А эти две что тут забыли? - она шагнула ближе к тетушке, понизив голос до шепота.

- Сегодня мы все на одной стороне, - чеканя слова, проговорила Артра. - На стороне тех, кого будут обвинять. И поэтому войдем вместе. Надевайте накидки.

Взглянув на Раа'си Ра'ми, Артра поджала губы. Они с братом уже успели поговорить со святыми. Те впились, словно сомнения в душу. Разговор удовольствия не доставил, слишком уж хитры и назойливы были тени. Но идея выступить единым фронтом была здоровой. Столь дотошный и упрямый альянс гарантированно вымотает Совет, заставив всех присутствующих свернуть обсуждение как можно быстрее. Ведь вскоре их всех ожидает что-то куда интереснее.

- Какая приятная компания сопровождает нас под ликами Богинь, - Раа'си Ра'ми в черной мантии отвесила церемонный поклон.

- Мы тоже безмерно рады встрече, - проговорила безмерно радостная Артра, подходя к дверям, из-за которых уже доносилось возмущение. - Что ж, приступим.

.....

Ровно в тот момент, когда представители Великих Домов уже мысленно потянулись к оружию, створки дверей с грохотом врезались в стены. Судя по силе удара, вошедшая следом фигура в белом открыла их пинком. Позади нее в зал неспешно прошествовали еще девять силуэтов. Двое из них были укутаны в мантии Теней Первозданных, остальные - в такие же белоснежные плащи. Похоже, этим не совсем достопочтенным господам забыли объяснить здешний устав. Впрочем, не Цине было судить невежд: на все эти предписания он клал ровно то же, что и вновь прибывшие.

Подойдя к столу и заняв место представителей Павиры, фигура небрежно сбросила накидку и стянула с лица маску из чистого золота. Металл с резким стуком брякнул по каменной столешнице, заставив слабодушных вздрогнуть. Оглядев присутствующих пронзительным взглядом, гостья не села, а буквально воцарилась в кресле и надменно произнесла:

- Ну, давайте уже, снимайте. Долго нам ещё ждать вашего откровения?

Незнакомка оказалась женщиной - молодой, безупречно красивой и давяще высокомерной. От ее тона собственная спесь Цины на мгновение пошатнулась. «А так можно было?» - озадаченно подумал он.

Представители Империи, возмущенные присутствием нахальной бабы за столом на сугубо мужских переговорах, едва не взвизгнули. Однако по-настоящему всех озадачило другое - молчание Хранителей. Ни единого замечания, ни тени упрёка. И хотя этот орден никогда не выбирал сторону, их немое одобрение подобной дерзости заставило многих усомниться в их хваленой беспристрастности.

Следом подтянулись остальные. Заняв предписанные места в древнем кругу, они единым, отточенным жестом сбросили тяжелые ритуальные облачения. На свет явились пять мужчин и ещё четыре женщины - абсолютно безоружных. Последние были единственными представительницами своего пола во всем этом колоссальном зале, если не считать храмовых служительниц, Вита'е Арбрис, скрывающихся во мгле нефов. Именно на них, на этих женщин, сейчас в немом шоке взирали все присутствующие. По залу прокатался тихий, свистящий выдох удивления. Советники Империи испуганно переглянулись, словно ожидая, что своды храма рухнут от подобного святотатства.

Однако истинным центром всеобщего притяжения стали двое: почти голая женщина в причудливых шейных украшениях и юная, полуобнаженная сереброволосая девица. Золотые когти и тонкая цепочка, тянувшаяся змейкой по великолепному лицу юной красавицы, намертво приковывали к себе взоры. Сама же девица равнодушно окинула зал ленивым взглядом и замерла, глядя в никуда сквозь полуопущенные ресницы, демонстративно игнорируя чужое липкое любопытство. Но если эта юная особа казалась чем-то экзотически съедобным, запретным деликатесом, тем, что безумно хочется распробовать, смакуя каждый оттенок вкуса, то сидевшая рядом с ней женщина выглядела той, кто сама способна перекусить каждым в этом зале - неторопливо, не оставив даже костей.

«Тварь, до чего же хороша», - мысль ударила под дых, заставив Цину на мгновение замереть. Он пытливо, с почти болезненным восхищением скользил взглядом по её лицу, изучая её черты при полноценном, ярком освещении. Эти едва заметные россыпи веснушек на карамельно-золотой коже... Этот омут по-настоящему медных глаз, усыпанный крапинками чистого золота, в которых хотелось утонуть прежде, чем вырвать их. Слепящее, удушливое желание пустить ей кровь, разорвать эту хрупкую плоть на куски, неохотно отступило в тень. Лишь на жалкую долю секунды. Ровно на столько, чтобы позволить хищнику вдоволь насладиться кра-

сотой своей жертвы.

Из всей делегации Павиры на ногах остался лишь один мужчина. Его поза выражала абсолютное спокойствие. Мышцы Цины рефлекторно напряглись, стоило ему внимательнее присмотреться к чужаку. Знакомый отлив прядей, уловимые черты лица - сходство было слишком очевидным. Воспоминание о мягком весе девичьего тела на его коленях и о том, как эти самые пряди скользили по его пальцам, обожгло Цину изнутри, заставив сильнее стиснуть челюсти. Высокомерная гостья, первой ступившая в зал, этот мужчина и наглая, полуобнаженная девка - все они явно были мазаны одной кровью.

Высокая фигура мужчины излучала суровую грацию. Длинные серебристые волосы, небрежно перехваченные на затылке, тяжелыми литыми волнами спадали на широкие плечи. Он замер вполупорот, облаченный в безукоризненно строгий темный мундир, чью мрачность разбивал лишь холодный блеск золоченых наплечников. Однако все это меркло перед его взглядом: узкие, пронзительные глаза светились диким, янтарным огнем, словно у затаившегося зверя.

Тяжелую тишину разорвал безупречно поставленный голос:

- Мое имя Миракс. Сегодня я буду говорить от лица властителя Павиры, Сура.

Из его узких, жестких губ этот короткий манифест прозвучал невероятно притягательно. Мужчина плавно опустился в кресло по правую руку от самого Владыки Павиры и едва уловимым, величественным жестом велел Совету продолжать.

Имперская сторона тут же разразилась протестами - мол, почему не пойми кто смеет говорить за правителя земель? Однако этот выпад все проигнорировали. Самые сообразительные и искушенные в политических играх умы быстро осознали глубину нанесенного оскорбления. Варвары не просто демонстрировали пренебрежение этикетом. Они презирали чужую культуру и принципиально отказывались ломать языки о всеобщее наречие, считая его грязной скверной, недостойной их уст.

Владыки поочередно представлялись, открывали лица, распахивая накидки, а затем занимали свои места вместе с

приближёнными. Делегация Вархи восседали рядом с имперцами, безмолвно демонстрируя им полную лояльность. Эти прирожденные палачи мало чем отличались от самих жнецов - безжалостные, лучшие в своем деле наемные убийцы, способные бесследно сливаться с темнотой.

Делегация Саривии, пришедшая из залитых солнцем земель, напротив, то и дело бросала пристальные, изучающие взгляды в сторону Павиры. По логике вещей, им не должно было быть до происходящего ровным счетом никакого дела: столетиями, сквозь кровь, разруху и пепел чужих войн, Саривия сохраняла абсолютный, нерушимый нейтралитет. Однако теперь, судя по тому, каким тяжелым взглядом наследный принц этого древнейшего царства буквально пожирал сребровласую павирскую девчонку, впервые в истории могло сотвориться немыслимое чудо.

А то, что святая Трита уже спелась с Павирой, было очевидно даже последнему идиоту. Тени Первозданных, Раа'си Ра'ми, наглядно подтверждали это своими ухмылками. Эти женщины вовсе не были уродливыми чудовищами, какими их расписывали в слухах. Напротив, они манили взгляд. Но крылось в их облике, в текучей пластике движений, нечто настолько странное и жуткое, что у любого нормального мужчины по спине пробежал холодок, заставляя инстинктивно и брезгливо передернуться.

- Мы слушаем Империю, - слова прозвучали сухо и бесстрастно, тяжело скатившись по холодным каменным ступеням, где возвышались Хранители храма Мира.

Грузная фигура Императора качнулась, когда он, наконец оторвал тяжелый взор от правителя Павиры и едва заметно кивнул своему советнику. Это был до омерзения противный, тощий мужчина, задрапированный в невероятно дорогие, кричащие ткани. В его высокий воротник были вшиты редкие камни Кальса, чей блеск подчёркивал статус владельца. Вот только стоило женщинам Павиры заметить эти драгоценности, как их губы одновременно растянулись в таком устрашающем, хищном оскале, что несчастный советник моментально растерял всю храбрость. Он поспешно отвел глаза, решив больше не ронять взгляд на дикарскую делегацию - задача почти невыполнимая, учитывая, что он должен был обращаться непосредственно к ним.

Уголок губ Цины дрогнул в презрительной усмешке.

«Надо же, как глазки загорелись - высокомерно пронеслось в его мыслях, пока он наблюдал за ней. - Интересно, как быстро эта девка раздвинет ноги перед первым встречным, который осыплет её подобной роскошью? Наверняка ещё до того, как последний камень коснётся её тонкой шейки.»

По правде говоря, он всегда был уверен, что цена павирских баб куда ниже.

Он с показным пренебрежением скользнул по девице оценивающим взглядом и тут же резко отвернулся, вперив тяжёлый взгляд в имперцев, мысленно поклявшись больше не достаивать дикарей ни единым взглядом.

Пустой звук, а не клятва.

Вопреки доводам рассудка, его глаза предательски, с каким-то мазохистским упрямством возвращались к ней. А эта дрянь за все время даже не соизволила повернуть голову в его сторону! Всё её внимание было приковано к смазливому принцу Саривии. И, судя по искрам этого безмолвного, едва уловимого диалога взглядов, они уже успели мысленно раздеть друг друга и прийти к выводу, что вполне друг другу подходят.

«Вот же блядство», - мысленно сплюнул Цина. В груди тяжёлым, удушливым варевом вновь закипала черная ярость. Этот лощёный юный наследничек Саривии явно имел и средства, и власть, чтобы осыпать дикарку всеми благами мира, возвысив безродную девку до самых немислимых вершин.

Цине было плевать на её возвышение. Пусть забирает. Но только после него. Желание было первобытным и грязным: грубо присвоить, сломать эту надменность и выжечь на ней свое клеймо прежде, чем до ее кожи дотронутся выхоленные, благородные ручки этого мальчишки. От одних лишь мыслей о том, как он овладеет этой грязной павирской девкой, раздутое эго Цины с треском рвалось по швам. Внутри шла ожесточенная война между тошнотворным отвращением и темным, пульсирующим вожделением. Его поражало как же быстро неприязнь мутировала в животную жажду. Ей хватило лишь безупречного лица и тела, чтобы в прах растоптать все его устоявшиеся принципы и вековые предпочтения.

Из этого наваждения его вырвал дребезжащий, фальшиво-елейный голос имперского советника. Собрав остатки мужества и стараясь смотреть исключительно на Хранителей над головами павирцев, тощий вельможа наконец заговорил, оглашая волю своей короны. Каждое его слово так и сквозило скрытым ядом, превращаясь в муки для слуха.

Из его уст лилась искусная скорбь: он вещал о бедствиях Империи, терпящей урон от рук дикарей, чья власть простерлась над Вольными землями. Торговые пути перерезаны, караваны блуждают в обход, а гордое имперское воинство предано не земле а огню и поруганию. Однако в этой речи не нашлось места правде. Разумеется, он не проронил ни слова о том, что эту кровавую войну развязала сама Империя. И уж тем более - что на Вольных землях величественное государство промышляло торговлей бойцами для арен, беззащитными женщинами и детьми. Грязная изнанка политики, которую сочли сущей мелочью для взора Хранителей и присутствующих.

Миракс вполголоса переводил владыке Павиры, длинноволосому молодому мужчине, чьё лицо, некогда, должно быть, красивое, теперь напоминало карту жестоких сражений - усеянное шрамами разной длины и глубины, от тонких серебристых нитей до грубых багровых рубцов, стягивающих кожу у скулы, - самые абсурдные и интересные моменты имперской речи. Голос Миракса звучал ровно и монотонно, но в глубине его глаз плясали искорки мрачного веселья - он явно наслаждался каждым переведённым словом,

даже не удивляясь чужому лицемерию. Артра устало тёрла переносицу, пытаясь утихомирить Кулу. Та искренне не понимала, зачем терпеть, если можно не терпеть. В её звериных глазах застыло недоумение пополам с раздражением - эмоции, слишком простые и честные для этого зала, полного притворства. Артре стоило немалых трудов объяснить ей, что ломать хребет имперцам прямо сейчас - далеко не лучший дипломатический ход и нужно немного подождать. Со всем чуть-чуть.

Трита на этом фоне казалась скалой - неподвижной, невозмутимой: она лишь терпеливо ждала момента, когда оратор перейдёт к прямым нападкам на них. Но имперец вещал без остановки - его голос, густой и тягучий, словно патока, заполнял зал, обволакивал присутствующих липкой пеленой пустословия, и конца этому потоку не предвиделось. А впереди ждала ещё более изнурительная пытка - свитки с официальными требованиями, чей исполинский объём внушал искренний ужас. Они громоздились на столе, точно надгробные плиты, и один лишь вид этих туго перевязанных пергаментов заставлял Кулу тихо, но очень многообещающе рычать сквозь зубы.

Асгетт, в которой наследный принц Саривии своим немигающим взглядом успел прожечь настоящую дыру, наконец-то соизволила обратить внимание на настырного по-

клонника. Стоило ей повернуть голову и встретиться с ним глазами, как глубоко внутри вдруг что-то звонко щелкнуло. Словно сорвало старый, заржавевший замок. До неё с ясностью дошло: именно в эту самую секунду в ней проснулся совершенно новый интерес к мужчинам. Правда, исключительно к невероятно красивым представителям этого пола, если уж не кривить душой.

Он выглядел как ожившее изваяние древнего бога: безупречные пропорции лица, четко очерченные губы и безупречная, волевая челюсть. Контраст между его ореховыми волосами, загорелой кожей и светлым, пронзительным взглядом завораживал. Тяжелая золотая парча и глубокий изумрудный шелк его парадного костюма сидели на нем идеально, облекая широкие плечи. Распахнутый ворот открывал взгляду рельефные ключицы и крепкую шею. Покручивая тяжелое кольцо на пальце, он не разрывал зрительного контакта ни на секунду. А затем уголки его губ дрогнули в едва заметной, бархатной улыбке, и он чуть склонил голову - безмолвный, будоражащий знак одобрения.

- Какая хорошая кровь. Древняя, - с едва уловимым сладострастием выдохнула Тень Первозданных в чёрном одеянии.

Перед взором предстало лицо женщины, разменявшей не

один век, но сохранившей ту редкую красоту, которую время не решается разрушить, а лишь гравировать благородными линиями. Седые волосы безупречно обрамляли бледную кожу, выгодно оттеняя массивный головной убор. Высокие, острые как клинки скулы придавали её бледному лицу почти царственную суровость. Тонкие губы, упрямо сжатые в бескровную линию, выдавали железную волю, не терпящую возражений. Но подлинным магнитом служил её взгляд. Глубоко посаженные, непроницаемо-тёмные глаза смотрели сквозь присутствующих, словно прозревая самую суть мироздания. В её застывшей маске - одновременно холодной полуулыбке и бесконечной печали - сквозила тяжелая, вековая мудрость и читалось бремя древних знаний и мрачных тайн, которые живым лучше никогда не будить.

- Этот клинок тяжел, дитя... Но если твои пальцы лягут верно, он будет рубить по твоей воле, - продолжала вкрадчиво шептать Тень.

Раа'си Ра'ми, восседавшая бок о бок с наследницей Венца, безошибочно проследила за её замороженным взглядом и не удержалась от мудрого комментария. Жалкое бление имперского советника её совершенно не занимало. Эта политика казалась ей мышиною возней; на всё происходящее в этом зале у неё имелась своя собственная, непреложная и поистине святая истина.

- Думаете? - голос Асгетт сочился откровенной язвительностью, когда она приподняла бровь, бросая вызов старшей.

- Уверена, - женщина ответила без малейшей заминки. Её губы дрогнули, и по лицу скользнула едва заметная улыбка - быстрая и бесшумная, словно ночной ветер, перебирающий пески дремлющих барханов.

Она перевела внимательный взгляд на делегацию Каменной долины. Там, среди суровых мужей, царило глухое, давящее молчание. Они сидели неподвижно, словно были высечены из той же безжалостной горной породы, что и их неприступные крепости.

- А вот эти клинки уже не перековать... Их не исправит ни пекельный огонь, ни само время, - негромко продолжила Раа'си Ра'ми. В её тихом шёпоте вдруг явственно послышался лязг металла, скрежещущего по граниту. - Но именно среди них, дитя, можно сыскать самую острую, самую безжалостную сталь. Сталь, которая с одинаковой легкостью пустит кровь и врагу, и своему владельцу.

Асгетт принципиально не смотрела в сторону жнецов, отгородившись от них невидимой стеной, но слова женщины пила жадно.

- Жизнь такова, дитя, - меланхолично подвела итог тень Первозданных, плавно, словно отползающая рептилия, отстраняясь от девушки. - Чтобы заполучить идеальное оружие, беспрекословно послушное твоей воле, его придется выковать самой, в собственном пламени. А потому не примеряйся к чужой рукояти. Мерь по глубине своих ножен. Больно будет в любом случае, таков закон плоти. Весь твой выбор сводится к одному: стиснуть зубы и перетерпеть эту разрывающую боль единожды, чтобы потом черпать в ней безграничное удовольствие, или же позволить чужой стали терзать тебя бесконечно.

Липкие, навязчивые мысли о ножнах и крови, посеянные тенью Первозданных, отступили, когда тётушка решительно поднялась со своего кресла. Очередной пассаж имперца прошёл мимо ушей девушки, но воинственный настрой Артры намекал: невидимая черта только что была пересечена. Кажется, они с Кулой всё же сошлись во мнении, что пора начать убивать.

- Что ты несёшь, советник? - властный, грохочущий голос тётушки ударил по ушам присутствующих, заставив многих вздрогнуть.

С неё хватит. Лимит выдержки был исчерпан до дна. Раз

уж вся эта разодетая публика так жаждет небылиц, Артра с превеликим удовольствием выйдет на сцену и устроит им представление. Главной и единственной её целью сейчас было полное, абсолютное уничтожение источника этого отвратительного голоса, который выедал ей мозг.

- Истину. Сядь на место и молчи, женщина, - с презрением выплюнул Император, словно на язык ему попала грязь. Его расплывшееся, полное лицо исказила гримаса нескрываемого, почти физического отвращения к чужой дерзости.

- Истину? Во всём потоке, что грязной рекой излился из рта вашего подданого, не проплыло ни единой чистой истины. Как жаль, что в вашей великой Империи - Артра изящно развела руки, и её светло-русые локоны волной посыпались по спине, - правят не женщины, а мужчины, в коем теле из двух голов, хорошо если работает хотя-бы та, что снизу.

От такой неслыханной наглости у присутствующих перехватило дыхание, и зал сковало оцепенением. Шах Каменной долины выразительно изогнул густые брови и с легкой, почти одобрительной усмешкой качнул головой: Павира определённо умела впечатлять.

Багровея от ярости, над массивным столом начал медленно подниматься сам Император. Его глаза метали молнии -

он готовился обрушить всю сокрушительную мощь своего монаршего гнева на потерявшую страх нахалку.

- Сядь, Государь, - спокойный голос принца Саривии ударил как хлыст, заставив владыку осечься. - Ты неужто с женщиной воевать собрался?

- Золотые слова. Неужели для великого Властителя здесь не найдется дичи покрупнее? - с откровенной издевкой протянул Миракс. Его губы растянулись в жутковатом, зверином оскале, а во взгляде заплесало пламя неподдельного азарта.

- Хранители, это же уму непостижимо! Чтобы какие-то немывые дикари и их распоясавшиеся женщины смели... - срываясь на жалкий визг, заверещал советник. Он затравленно озирался, отчаянно ища защиты у хозяев святыни.

- Сядьте. На место. Оба, - этот голос не был просто громким, он обладал архаичной мощью. Зычный, рокочущий бас самого главы ордена Храма Мира обрушился на зал, мгновенно раздавив жалкий лепет имперца и впечатав присутствующих в кресла.

Речное божество непостижимым образом возвышалось прямо на центральном пьедестале главного Хранителя. Как подобный абсурд вообще мог произойти, Асгетт понятия не

имела и, если уж на чистоту, знать совершенно не желала. В уме она истово молилась Иблису лишь об одном: чтобы настоящий лидер ордена оказался жив. Касариту молиться не было ни малейшего смысла. Какой прок взывать к этой сутулой собаке, если вот он - стоит собственной персоной и нагло лыбит морду из-под глубокого капюшона, явно наслаждаясь хаосом? Асгетт хищно подалась вперёд, с силой опершись ладонями о гладкую столешницу. Игра началась. И она не раздумывая делала ставку на свою тётку.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.